

Ян Полищук

Ян Азарович Полищук родился в 1921 году. После окончания средней школы поступил на литературно-редакторский факультет Редакционно-издательского института. Со второго курса ушел в армию, участвовал в боях на Калининском, Западном и I Украинском фронтах.

После демобилизации начал работать в редакции газеты Московского автозавода и возобновил учебу в институте. В 1951 году был участником 2-го Всесоюзного совещания молодых писателей, спустя год вышла в свет его первая книжка сатирических рассказов и фельетонов. На протяжении ряда лет был корреспондентом газеты «Советское искусство», «Литературной газеты», журналов «Крокодил» и «Огонек». Вместе с Б. Егоровым и Б. Приваловым написал роман-фельетон «Не проходите мимо», приключенческий памфлет «Мисс Хрю», кроме того, издал несколько книг сатирических рассказов и фельетонов.

Ян Полищук окончил Литературный институт имени Горького, с 1956 года он член Союза писателей.

**КОРОТКИЕ
ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

Расщепление ядра

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

**Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1965**

«Расщепление ядра» — это не научный трактат, а сборник юмористических рассказов и острых фельетонов. Персонажи, которых выводит в этой книжке писатель-сатирик, ничего общего с честными тружениками науки, техники и искусства не имеют. Прибегая к иронии, гиперболе, гротеску, автор представляет в смешном свете мещан и приспособленцев, пустомель и лоботрясов, халтурщиков и неучей — людей, чьи поступки и деяния чужды интересам нашего общества.

Ян Азарович Полищук

РАСЩЕПЛЕНИЕ ЯДРА

Рисунки художника **М. Скобелева**
Оформление **А. Елисеева**
Редактор **Т. М. Мугуев**
Худож. ред. **Э. А. Розен**
Техн. ред. **Г. Н. Дзюба, В. А. Авдеева**
Корректор **В. Ф. Иванова**

Сд. в наб. 11/XI-64 г. Подп. к печ. 24/XII-64 г.
Ф. бум. 70×108 ¹/₃₂. Физ. печ. л. 3,5. Усл. печ.
л. 4,8. Уч.-изд. л. 4,5. Изд. инд. ХЛ-831.
А09622. Тираж 50 000 экз. Цена 14 коп. Тем.
план 1965 г. № 191.

Издательство «Советская Россия». Москва,
проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров
РСФСР по печати, г. Электросталь Москов-
ской области, Школьная, 25.
Заказ 320.

КОВАРНАЯ ПРИМЕТА

Чижиков прибежал в общежитие поздно вечером. — Ребята! — сказал он таким голосом, будто долгожданная посылка из Гжельска прибыла. — Ребята! Хочу вас обрадовать. Я уговорил профессора. Завтра он будет меня экзаменовать. Остановка за вами.

— За кем? — спросил Коля Гребенкин, не скрывая разочарования. Его куда больше устроили бы волшебные пампушки Чижиковой тетки. И потом Чижиков сдавал сопромат уже третий раз, и мы стали привыкать к его двойке.

— За вами! — категорически сказал Чижиков. — Ругайте меня на чем свет стоит, и на этот раз я сдам наверняка.

— Хорошо,— отвечал за всех Коля Гребенкин.— Мы-то к этому давно готовы. А когда приступать?

— Я бы не откладывал дела в долгий ящик,— откликнулся из угла Володя Титов.

Чижиков слегка поморщился, но потом согласился. Интересы науки взяли верх.

Володя Титов старательно откашлялся, набрал побольше воздуха в свою легкоатлетическую грудь и начал с несколько общих мест.

— Я бы таких бездельников и лентяев вообще не допускал в институт...

— Ничего,— кивнул Чижиков.— Подходяще. Пожалуй, тройка мне уже обеспечена. Давай ты, Гребенкин.

Коля Гребенкин долго глядел в потолок, словно черпая там вдохновение, и наконец разразился экспромтом:

Кто чванлив, самоуверен,
Точно старый сивый мерин?
Кто сердит из пустяков?
Ну, конечно ж, — Чижиков...

— Неплохо,— отметил Чижиков, но в его голосе почему-то не было восторга.— Только откуда «старый сивый мерин»?.. Я уж не так стар для второго курса.

— Для рифмы, — быстро нашелся Гребенкин. — И «Чижиков» для рифмы. А все вместе — для твоей же пользы.

— Спасибо,— сказал Чижиков.— Вы верные друзья. Теперь я, пожалуй, натяну на четверку. Только, если можно, не очень увлекайтесь. Придерживайтесь правды жизни.

— Правды жизни?! — воскликнул до сих пор мол-

чавший Саша Вихреев. — Слушай, и пусть тебе это поможет получить пятерку с плюсом. Итак, как можно назвать человека, который тайком от друзей слопал все домашние пампушки?

— Обжорой! — хором подсказали Гребенкин и Титов.

— Как назвать человека, который вместо сопромата изучает профиль Анюты Савиной?

— Дон-Жуаном! — быстро пояснили Гребенкин и Титов.

— Как назвать человека, который верит в бабушкины приметы?

— Невеждою! — прокомментировали Гребенкин и Титов.

Чижилов насупился и молча стал укладываться в постель. Еще целый час до нас доносились его печальные вздохи. Наверное, он думал о предстоящей встрече с профессором.

...К вечеру следующего дня мы снова были в сборе. Чижилов вошел в комнату и, свирепо поглядев на нас, сказал:

— Вот теперь-то я вижу, какие вы друзья. Теперь я вас разгадал. Вы меня крыли почему зря — и невеждою, и лентяем, и бездельником... А профессор иного мнения. Профессор сказал, что я человек почти талантливый, если сумел все-таки сдать...

— И сколько поставил? — спросил Володя Титов.

— Тройку. Но не принимайте на свой счет... Хватит. За товарищей я вас больше не считаю. Все. Перевожусь в другую комнату.

И он ушел. Ушел совсем. Какая неблагодарность!

Художник Хлептиков ворвался в комнату приятеля с огорчением на вдохновенном лице:

— Прозаик! Ты мне друг или ты мне недруг?

— Я тебе друг,— поспешно подтвердил писатель Ракурсов, распахивая объятия. Его худощавые щеки подвижника увлажнились от

слез.— Но что с тобой? На тебе творческого лица нет.

— Какое может быть лицо у человека, изувеченного критикой? — расслабленным голосом сказал художник, усаживаясь в кресло.

— А что, уже побили? — спросил Ракурсов.

— Уже,— вздохнул Хлептиков и протянул приятелю газету.

Статья, расстроившая художника, была написана местным критиком Сливянским. Изящным слогом рецензент излагал свои прогнозы относительно предстоящей художественной выставки. Абзац, который касался Хлептикова, заключал в себе хотя и доброжелательные, но несколько колкие замечания по поводу творчества «одного из крупных мастеров кисти области».

«Весьма надеемся,— писал критик,— что на предстоящем смотре местных дарований П. Н. Хлептиков изменит своему многолетнему методу самопознания. Весьма надеемся, что на этот раз наш талантливый живописец вместо автобиографического цикла: «Я в своем кабинете», «Жена поливает фикус», «Владик за

чертежом», «Трезор лает на прохожих» и натюрморта «Наш ужин» представит нечто более актуальное, отобразив грандиозные преобразования в городах и селах нашей области».

— Ах, талантогубитель! — возмущался Хлептиков. — Нет, ты скажи, почему он в меня критические булыжники мечет? Пропадает труд, выношенный в муках! Искания! Взлеты фантазии!

Ракурсов в задумчивости прошелся по комнате. Взгляд его упал на кипу бумаг, испещренных путевыми записями. Подымая в своем творчестве пласты жизни, прозаик глубоко вкапывался в детали бытия.

— А ведь он прав, этот Сливянский. Вот ты раскипятился. Опять, верно, задумал семейную сюиту? Ну брось наконец вариться в комнатном соку, в этих, прошу прощения, суточных щах...

— Позволь, позволь, — запротестовал Хлептиков. — Есть же вечные сюжеты? Могу я отстаивать право на яркую индивидуальность? Могу. Еще древние говорили: «Самопознание — путь к совершенствованию».

— Именно древние, — жестоко сказал прозаик. — А где у тебя ветер современности? Где у тебя новые повороты? Нет у тебя ветра. Нет у тебя поворотов.

Художник порывисто вскочил с места и, страстно восклицая: «Алмазная у тебя голова! Именно современность, именно новые повороты!», бросился прочь.

...Мы не будем приводить подробный рассказ о вернисаже, состоявшемся спустя полгода после описанных событий. Открытие выставки походило на любую подобную церемонию, точно две ученические копии на картину маститого руководителя изостудии. Толпа приглашенных, томясь в ожидании, пока наиболее почтенный в городе живописец разрежет ленточку, перегова-

ривалась о картинах, находящихся в Третьяковской галерее. Знатоки пейзажей, просочившиеся неведомыми ходами в залы, уже разглядывали полотна и одобрительно цокали языками...

Хлептиков победоносно прохаживался мимо своего персонального стенда. Чутким ухом он пытался уловить шепот восторга.

— Ого! — донеслось до художника. — Взгляните в каталог. Вот так Хлептиков! Какие темы! Какой размах!

Хлептиков поднялся на цыпочки, чтобы увидеть над гущей зрителей голову говорившего. Он разглядел суровые брови Сливянского, местного критика и своего недоброжелателя.

Сливянский продолжал:

— Название первой картины: «За изучением классического наследия». Любопытно. Где же она? Гм... Странно... Странно...

В голосе критика прозвучало что-то такое, от чего Хлептикову поскорее захотелось выбраться поближе к выходу.

— Нет, вы взгляните только! — призывал Сливянский. — Дыхание времени ворвалось в дом Хлептикова. «За изучением классического наследия»! Каково?! И поворот иной. В прошлогодней картине Хлептиков сидел около стола. А нынче склонился над неразрезанными книгами. Прогресс!

На голос критика сходилась народ. Подле картин Хлептикова становилось все теснее и теснее.

— «По стопам Мичурина»! — восклицал Сливянский. — Очень современная тема. И очень знакомое лицо...

— Жена, — подсказал кто-то.

— Совершенно верно, — быстро согласился критик. — Жена. Только прошлый раз она поливала фикус, а сейчас...

— Герань, — заметил тот же голос.

Это становилось похожим на детскую игру «Угадайка!» Ее участники читали вслух названия полотен и старались сообразить, чем они отличаются от предыдущих вариаций из трогательной серии: «Семья и быт П. Н. Хлепикова».

— «Молодой архитектор обдумывает габариты высотного здания»? — вопрошал Сливянский. — Кто помнит?

— Все! Все! «Владик за чертежом»!..

Игра продолжалась. Уже за табличкой «Чистота — залог здоровья» была разгадана «Домработница Глаша, убирающая комнаты». В картине «Условный рефлекс» узнан любимый пес художника Трезор, лающий на прохожих. Не остался без внимания и небольшой натюрморт, изображавший грудку снети и столовый инвентарий — от половника до консервной дрели. Только сейчас он назывался не «Наш ужин», а несколько обобщенно — «Изобилие».

Сливянский, воодушевленный поддержкой развеселившейся публики, не мог удержаться от язвительного резюме:

— Я не имел чести быть в гостях у Хлепикова. Но могу наверняка сказать, что его квартира состоит из трех комнат. В столовой на стене — текинский ковер, стоит ореховый гарнитур и четыре вазона. Его сын Владик, очевидно, второгодник: два года подряд корпит над одним чертежом... Да и у самого Хлепикова не все, видимо, ладно со здоровьем. Это подтверждает однообразное меню натюрморта...

...Прозаик Ракурсов долго не отваживался навестить старого друга. Однако на третий день после вернисажа его преданное сердце не выдержало.

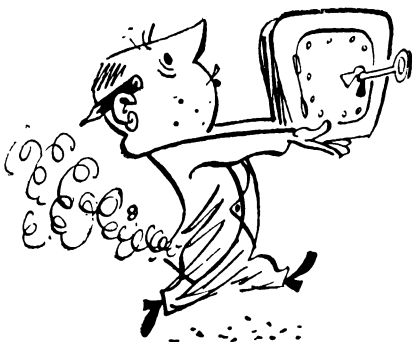
Около дома художника заметно было необычное оживление. На крыльце стоял сам Хлептиков и прерывающимся голосом отдавал приказания жене. Вид у него был очень внушительный: в дорожном плаще, коричневых жокейских крагах и охотничьем картузе с пуговкой. Рядом с супругой, держа в руках огромный узел, горько плакала Глаша. Двое дюжих грузчиков втискивали в личную машину художника добротные чемоданы. Продолжительный скорбный вой неожиданно отвлек прозаика от созерцания этой картины. В конце улицы он увидел рослого мужчину, уводившего на поводке Трезора.

И Ракурсов, кажется, понял.

— Наконец-то! — радостно сказал он. — Наконец-то выезжаете на оперативный простор! Давно пора хлебнуть свежего ветра впечатлений!

— Нет уж, дудки! — подбоченясь, отвечал художник. — Хлептикова не так-то легко сбить с позиции! Меню им не нравится! Сменяю меню... Трезор несимпатичен! Продам Трезора... Глашу уволил без выходного пособия... Вазоны отдал в чайную... Освежаю обстановку! Словом, переезжаю на новую квартиру...

И воинственно взмахнув перед носом приятеля кулаком, художник бросился помогать грузчикам.

ТАКИМ-ТО ОБРАЗОМ

В отделе происшествий вечерней газеты появилось сообщение:

«В магазине № 3 загорелись электрические провода. Возник пожар. Сохранив присутствие духа, продавец Калюжный вынес на руках из объятых пламен

нем торгового учреждения железный сейф. Подоспевшим пожарным он ответил скромно и многозначительно: «Главное — не забывать главного!»

Редактор торговой газеты, прочитав эту заметку, восторженно воскликнул:

— Немедленно создать очерк. Эпический. Зовущий. Человек, спасающий сейф, не может не выполнять план. Отобразите, как он борется за переходящий вымпел и снижение количества жалоб трудящихся...

Очеркист размышлял недолго. Раз надо, так надо... Через день очерк был напечатан. Эпический. Бегло отобразив подвиг Калюжного в первом абзаце, автор переходил к самому существенному.

«...А посмотрели бы вы на Калюжного в тот момент, когда он разделяет рыбокопчености! Прилавок сияет, нож ужасен, движения быстры, он прекрасен!.. Уверенной поступью идет Калюжный навстречу покупателю. Эта уверенность помогла ему вынести сравнительно легко тяжелый сейф. «Главное — не забывать главного!» — не устает повторять Калюжный своим товарищам по торговой точке. И все знают, что он имеет в

виду выполнение плана райпродторгом на 122,6 процента».

Восторженный корреспондент пионерской газеты не пожалел восклицательных знаков для описания героя дня:

«Ребята! Знаете, почему дяде Калюжному удалось вынести из огня железный сейф? Хотите, открою вам тайну?.. Все дело в том, что дядя Калюжный в детстве собирал железный лом! Подбирая старые дверные ручки и сломанные раскладушки, от ступени к ступени шел дядя Калюжный к подвигу!.. Так дадим, ребята, обязательство принести до 31 числа на приемный пункт Втормета 385 килограммов дверных ручек, раскладушек и железных сейфов! Вот что главное, ребята!»

Глава литературного органа завокнулся:

— Ну вот, опять проморгали! Где наша связь с жизнью? Где вторжение? Снова в долгу у читателя... Послушайте, а нельзя что-нибудь изобразить в нашем разрезе, а?.. Может, этот Калюжный в свободное от рыбкопченостей время сочиняет стишки, а? Уж больно это похоже на рифму: «Главное — не забывать главного!» Пошлите на место члена редколлегии. Пусть отредактирует и даст на третью полосу. Ну хотя бы под рубрикой: «Он у нас первый раз!»

В очередном номере за подписью Калюжного появилась поэма. Особенно чувствительно выглядела заключительная строфа:

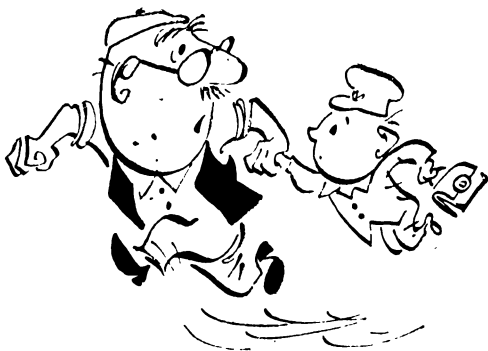
Лосось сияет, точно медь,
А сейф?.. Он создан из железа...
Работник торго я-то ведь,
И этим самым вам полезен.
Я не гонюсь за рифмой плавной,
Не это главное из главных!..

Спортивная газета сжимала кулаки. Чуть ли не все обошли ее на дистанции... Сейф! Да еще, наверное, набитый дневной выручкой!.. Тут явно пахнет рекордом. В последний раз сейф такого веса был вынесен норвежским клерком-любителем в 1893 году. Но вряд ли этот мелкий чиновник исходил из высоких побуждений... А Калюжный наверняка занимается производственной гимнастикой и по утрам читает нашу газету. Скорей, скорей надо поведать зазнавшимся мастерам спорта о пользе систематической тренировки по поднятию сейфов...

Позже всех откликнулась многотиражная газета добровольного общества пожарных. Она опубликовала приказ начальника городской дружины:

«В магазине № 3 имело место загорание электроарматуры. За допущение халатности на означенном объекте дежурному члену добровольной дружины объявить выговор. Упомянутый дежурный тов. Калюжный вместо тушения матчасти пункта загорания растерялся и занимался вынесением не главных, не огнеопасных предметов, как-то: сейфов и проч.».

Таким-то образом!

РАСЩЕПЛЕНИЕ ЯДРА

Новая классная руководительница покорила всех в первый же академический час. Носик у нее был озабоченно вздернут, а глаза лучились, словно сзади подсвечивались лампочками карманных батарей. Клавдия Ивановна прицелилась в сторону ящика с кроликом и печально сказала:

— Несодержательно существуете, ребята! Флоры у вас нет, да и фауны маловато... Ну что это, один грызун на весь контингент учащихся!

Тут Стасик Дубовский застенчиво объявил, что у него на чердаке произрастают две белые мыши. И если Клавдия Ивановна ничего не имеет против альбиносов, он их завтра подкинет.

— Подкинешь? — с интересом переспросила учительница. — А кем у тебя служит папа?

— Папа у меня в гастрономе, — беспокоился Стасик. — Заведующий отделом мелкой дичи...

— Дичи — это прогрессивно! Пригласи-ка его завтра ко мне.

— За что? — всполошился Стасик. — Я же мышей бесплатно...

— Приветствую твою инициативу! А папу позови для создания родительского ядра... Да, кстати, ребята. Есть среди ваших родителей столяр?

— Есть! — счастливо откликнулся Теша Садыков. — У меня папа столяр-краснодеревщик.

Здесь не выдержала Таня Соколова и призналась, что у нее мама художница. А художницы, как сказала мама, это лимитфонд...

Лицо Клавдии Ивановны озарилось обаятельной улыбкой.

— Нам с вами повезло, ребята! Позовите своих родителей ко мне на собеседование.

Классная руководительница приняла родителей в пионерской комнате. Это произвело впечатление. В углу мирно дремал барабан. Над отрядными атрибутами висел столбик пыли.

— Вот что, товарищи родители и родительницы! — сказала Клавдия Ивановна, очаровательно улыбаясь. — Надо с этим покончить! На весь класс один грызун и никакого внешнего оформления!.. Давайте объединим усилия в совместном воспитании подрастающего поколения! Давайте!

Родительское ядро пристыженно безмолствовало.

— Вот вы, товарищ родительница Соколова, должны нам расписать стенгазету и щит соревнования с седьмым классом «Б»... Вам, товарищ родитель Садыков, поручается создание вольера для зооуголка... А товарищ родитель Дубовский будет у нас... гм... кем же вы у нас будете? Уж больно у вас нейтральная специальность...

Впрочем, вы ведь привычны к товарообмену? Вот и станете у нас по субботам выдавать игровой инвентарь. Конечно, вы будете утверждать, что надо вовлекать в массовую работу учащихся. Но не будем их отрывать от напряженных занятий. Нынче главное — это опора на родительскую общественность!

В седьмом классе «В» настала эпоха возрождения. На стенах возникли нарисованные в стиле ренессанс щиты соревнования и плакаты, мобилизующие ребят на овладение наукой и техникой не ниже удовлетворительной отметки. В вольерах на подоконнике безмятежно резвились кролик-старожил, две белые мыши и угрюмый еж по кличке Сатирик. Игровой инвентарь выдавался по субботам в точном соответствии с учетной ведомостью.

— Ну вот, — сказала Клавдия Ивановна, устало оглядывая классную комнату, — первый этап завершен. А не кажется ли вам, что наш актив недостаточно активен? А? Я просто дивлюсь, как товарищ родитель Садыков способен без горения смотреть на то, что в спортивном зале нет гимнастической стенки, способствующей у ребят развитию физических данных! Если товарищу родителю Садыкову не хватает внеурочного времени, мы пойдем навстречу. Пусть столярничает во время академических занятий в подвале. Дирекция обещала выделить помещение. Только не очень там стучите!

Столяр-краснодеревщик пытался было вставить, что на фабрике его ждут недособранные гарнитуры и невыполненный план. Но родительский актив так на него зашикал, что он благоразумно увял.

Клавдия Ивановна подкупаяще заметила, что вопросы трудового воспитания подняты сейчас на высоту

и школа не позволит срывать стоящие перед ней задачи.

— Впрочем,— добавила она примирительно,— перейдем к вам, товарищ родительница Соколова. Надо написать на фасаде школы панно, отображающее политехнизацию учебного процесса. Размеры мы уже согласовали в районо. Что-нибудь метра два на восемь. Завтра можете приступать.

Художница слегка побледнела.

— А вам, товарищ родитель Дубовский, надо расширить график. Будете теперь открывать игротеку и по субботам и по вторникам. И прошу быть повнимательней! Ребята заметили, что вы их уже дважды обсчитали. Учтите, школа — это вам не торговая система!

— Так ведь раздвоение души получается,— слабым голосом сказал заведующий отделом мелкой дичи. — Я, извиняюсь, всем организмом здесь, а головная часть, извиняюсь, там, в гастрономе, то есть... Как бы без меня продавцы не превратили, извиняюсь, дичь в чушь...

— Надо вести среди подчиненных воспитательную работу,— философски заключила Клавдия Ивановна, и все поняли, что тема исчерпана.

Вскоре родительское ядро нельзя было узнать. Под глазами у художницы появились сумрачные тени. Завотделом мелкой дичи тощал день ото дня. Столяр-краснодеревщик при виде Клавдии Ивановны тревожно икал.

— Вот что, братцы-коллеги, — сказал он, отрываясь от ремонта игрового инвентаря. — На работе-то мне уже второй выговор закатили... Есть у меня одна подпольная думка. Решил я своего Тешу перевести в другую школу...

— А как же микрорайон? — застонала художница. — Ведь не примут из другого микрорайона. Я бы сама давно переметнулась.

— А у меня на окраине свояченица, — самодовольно сказал Садыков. — К ней и пропишу подростка... Ох, и создам теперь такие сервантики — потребитель рубанки целовать будет.

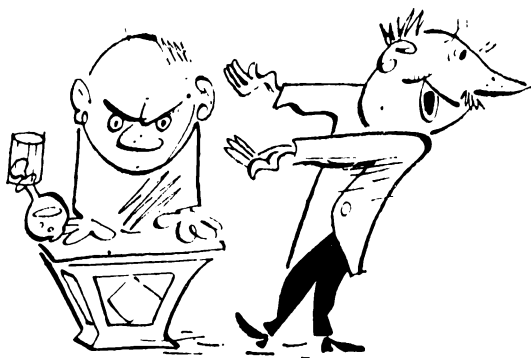
Родительское ядро зарделось от здоровой зависти.

...Спустя неделю завождем мелкой дичи столкнулся на улице с отколовшимся столяром. Краснодеревщик шел шатаясь. Щеки у него подрагивали.

— Что с вами? — сердобольно спросил завождем мелкой дичи. — Ведь расщепление ядра-то состоялось?

Садыков издал ужасный вздох.

— Куда там, — сказал он гробовым голосом. — Такой стружки с меня еще никогда не снимали... Перевел подростка в дальний микрорайон... План стал выполнять на сто сорок процентов... Бац! Вызывают меня на конференцию папаш... Гляжу — учительница на Клавдию Ивановну похожа, ну как две капли клея... Завидела меня, обрадовалась, мобилизовала на общественный ремонт оборудования... Ну, куда теперь податься?

ЖЕРТВЫ ДЕЛИКАТНОСТИ

В учреждении разнесся слух: начальник уходит. Общая радость. Был начальник деспотичным, чванливым. Многие высказывали ему это в лицо принципиально и честно.

Перед уходом начальника состоялось профсоюзное собрание. Пришел весь аппарат. Сотрудник Тамерланов, осведомившись, наверняка ли уходит деспот, решил не портить тому прощальные часы. Тамерланов выступает с речью, отмечает отдельные недостатки, но говорит:

— А на прощание я так подчеркну. Работать было можно. Трудно, но можно... Даже жаль, что уходите.

За Тамерлановым добрые слова говорят и другие. Начальник растрогался, выступил:

— Я думал, вы все прохвосты, а оказывается, милые люди. Можно поработать и впредь. Трудно, но можно... Ладно, уговорили, остаюсь.

В коридоре сотрудники друг друга осыпают проклятиями. На кой ляд нужна была эта деликатность?

РОКОВАЯ ДЕПЕША

До этого смутного дня в прохладных и гулких помещениях городского совета спортивного общества «Кувалда» царил идиллия.

С цикадным стрекотом вращались арифмометры. Треща крылышками, перепархивали со стола на стол сводки и рапорты. В обеденный час сотрудники скопля-

лись группами по три и четыре человека и, прожевывая тугие бутерброды, предавались сладким воспоминаниям.

Заведующий учебно-спортивным отделом доверительно сообщал:

— А какой я совершил тройной прыжок! Ах, какой прыжок!.. Не то что рекордсмены, и поответственнее личности мне завидуют!..

Глава орготдела, распахнув пиджак, под которым виднелся яйцеобразный животик, доставал из недр карманов пожелтевшие бумаженции:

— А посмотрели бы вы, как я мечу копья?! Мастерство. Навык. Снайперский прицел. Даже мишени и те в восторге!..

Старший инструктор совета, чей лик выдавал симпатии его владельца к сосискам с макаронами, вставлял не без тщеславия:

— А кто лучше меня берет барьеры, а?.. Никто! — и с затаенным смыслом добавлял: — Вы это учтите на будущее...

Словом, все упивались личной славой.

И вдруг в совете «Кувалды» создалось напряженное положение. Всему причиной была экстренная депеша, полученная в этот смутный день.

Текст ее был угрожающе краток и пугающе категоричен: «Начать соревнования парата».

Первые два слова были просты и доступны: «Начать соревнования...» О, сотрудники «Кувалды» знали, как надо начинать соревнования!.. В подобных ситуациях они не терялись. Одни лихорадочно хватались за отчеты и реляции. Другие выбирались на оперативный простор и непосредственно внедрялись в состязания. Правда, это внедрение чаще всего сводилось к руководяще-вдохновляющим возгласам типа: «Начали! Пошли!...» Но ведь кому-то надо руководить спортивной массой.

Однако последнее слово депешы посеяло у сотрудников нездоровые сомнения.

— Кому начать? — вслух размышлял заведующий учебно-спортивным отделом. — Разумеется, нам, как ответственным лицам... Что начать? Опять же соревнования... Соревнования кого?! Гм... парата... А мы собирались проверить легкоатлетический штурм... Парата... А нет ли здесь прозрачного намека на то, что в соревнованиях должен участвовать аппарат?! Может, комиссия какая надвигается, а? И опять же будет проверка действием...

Эта гипотеза повергла сотрудников в затяжное уныние.

Они снова начали скопляться группами по три и четыре человека и, позабыв про тугие бутерброды, обменивались эмоциями.

— Вам-то хорошо, — с завистью пенял старший

инструктор заведующему учебно-спортивным отделом. — Вам-то все доступно. Вам не то что рекордсмены, а ответственные личности завидуют... Вы, можно сказать, вершина в тройном прыжке!

— Кто вершина?

— Вы вершина.

— В каком прыжке?

— В тройном.

— Кто вам сказал?

— Вы сказали. Вот на этом самом месте. Как сейчас помню.

— Так я же имел в виду тройное повышение по службе, — сознался заведующий учебно-спортивным отделом. — В прошлом году я работал кем? Сотрудником коммунального отдела. В начале нынешнего кем? Секретарем в исполкоме... А сейчас я, с вашего позволения, ведаю учебным процессом... Нет, мне совсем не хорошо... Вот вам — хорошо. Вы любой барьер с маху берете!

Старший инструктор совета, чей лик выдавал симпатии его владельца к сосискам с макаронами, сказал дребезжащим голосом:

— Не надо преувеличивать заслуги, товарищи. Не надо. Я же говорил о ведомственных барьерах.

Тут определилось, что весь наличный состав аппарата был далек от спортивной славы. Глава орготдела и по совместительству хозяин яйцеобразного животика метал только копья выговоров. Его коллега специализировался в канцелярском спринте, то бишь беге на короткие дистанции между чулочной фабрикой и горисполкомом. А мастер-бассист из отдела водоплавающих выразился с философской обреченностью:

— Уплыли годы, как из бассейна воды...

Словом, в боевом составе «Кувалды» не было чело-

века, способного выйти на стадион и персонально участвовать в соревнованиях, которые предписывались строгой депешей.

— Братцы! — вдруг вскричал самый юный сотрудник совета, сорокапятилетний хранитель инвентаря. — А может, за две недели управимся, а?.. Может, проведем у нас в конторе эти самые... как их?.. ну, которые вы пропагандируете среди пожилых сверстников?.. Ага!.. Оздоровительные мероприятия!.. Представляете! Прибывает комиссия. Идет парад. А впереди — стройные, бронзовые, красивые руководители, то есть мы... И сами будем на подъеме и общественность воодушевится!..

Но самому юному сотруднику даже не дали доразвить творческую идею. Все наперебой принялись доказывать, что они административно подкованы и могут без повышенных усилий рассказать о пользе утренней зарядки и вечернего закаливания.

Аппаратчики собрались было подать заявления об уходе, как вдруг из отдаленного кабинета донесся облегченный крик заведующего учебно-спортивным отделом «Кувалды»:

— Парад!.. Ну, конечно же, парад!.. Вот что значит эта депеша: «Начать соревнования парада». С парада, ясно?! Ох уж эти телеграфистки!..

И снова в прохладных и гулких помещениях городского совета спортивного общества «Кувалда» восстановился идиллический покой. С цикадным стрекотом заворачивались арифмометры. Треща крылышками, запорхали со стола на стол сводки и рапорты. Инструкторы трудолюбиво принялись за составление призывных плакатов о пользе стальных мускулов и железного здоровья. Глава орготдела дружелюбно поглаживал свой яйцеобразный животик.

ИЗ ЖИЗНИ ОТДЫХАЮЩИХ

Рассказ будет из жизни одного отдыхающего. Разговор будет о происшествии, случившемся с ним прошлой отчетной осенью.

В конце лета Семена Петровича Коромыслова пригласили в местком и предложили путевку в дом отдыха.

— Поезжай, товарищ Коромыслов,— похлопал его предместкома по широкому, точно у запорожца, плечу.— Санаторий тебе не предлагаем. Катара желудка, по моим сведениям, у тебя нет. Легкие, говорят, у тебя, как мехи, работают...

Как бы в подтверждение, Семен Петрович могуче выдохнул воздух, отчего тубетейка на голове предместкома тревожно зашевелилась. Потом деловито осведомился:

— А куда путевочка?

— Пальчики облизнешь! — вдохновенно произнес

предместкома. — Южный берег. Голубая бухта. Фикусы. Кактусы. Озон.

Как вы сами понимаете, долго уговаривать Коромыслова не пришлось. Разве не соблазнительно, обладая даже железным здоровьем, провести добрый месяц у самого синего моря, если там и не будет обещанных кактусов и фикусов?

И вот через три дня, простившись на перроне с женой и приятелями, Коромыслов погрузился в вагон, который должен был унести его к Голубой бухте.

— Сеня! Ты уж там побереги здоровье! — кротко напутствовала его жена.

Какие проникновенные слова!.. Заметьте: не подлечись — ибо лечиться нашему другу, как вам уже известно, было не от чего. И не поправляйся — излишняя полнота ведь ни к чему. А — побереги здоровье! То есть сохрани то, чем тебя наградила щедрая природа и умеренный образ жизни.

Мы опускаем описание ландшафтов, которые раскрывались перед умиротворенным взором Коромыслова из окна вагона дальнего следования. О них имеет представление каждый, кто когда-либо выезжал на юг.

На одной из станций в купе ввалился лысеющий толстяк в соломенной шляпе с саквояжами в руках.

— Попутного ветра! — приветливо пробасил он и без лишних церемоний расположился на свободном месте против Семена Петровича. Не прошло и минуты, как попутчики познакомились.

Кандыба! — представился толстяк. — Бывший лощман, а ныне трудящийся пенсионного возраста. Еду вот подправить машинное отделение.

Кандыба хлопнул себя по груди, отчего внутри его что-то заверещало.

— Сухомяткой пробавляетесь? — через минуту спросил Кандыба, бросив быстрый взгляд в сторону пирожков. — Наживете на таком рационе катар. Не желаете ли? — И отставной лодман, не теряя времени, достал из саквояжа бутылку с заманчивой этикеткой «Старка» и несколько консервных банок.

Семен Петрович слегка покривился при виде бутылки, однако упираться не стал. И через некоторое время попутчики, крякая и морщась, деловито разделились с напитками, а затем и с широким ассортиментом закусок, распластанных на столике.

— Мне, при моей водоплавающей специальности, без горячего никак нельзя, — доверчиво излагал Кандыба своему соседу. — Ведешь посудину, бывало, продрогнешь и, конечно, после вахты согреваешься вот таким естественно-отопительным путем.

— А не вредит здоровью? — осторожно начал Семен Петрович. — Все-таки алкоголь и прочий наркотик.

— Может, кому и вредит, а мне очень полезно. Даже сердце, говорят доктора, еще шире стало. А матросу, сами знаете, без широкого сердца нельзя... Правда, один чудаковатый профессор предлагал: как захочется выпить, тут же яблочко съесть...

— Витамины, они тоже способствуют, — неопределенно вставил Семен Петрович.

— Может, кому и способствуют, а я профессору так прямо и отрезал: что вы, говорю, да мне такого количества яблок и не выдержать! Да вы не робейте, наливайте без зазрения...

Наверное, на Коромыслова подействовало то, что его попутчик так легко взял верх над учеными мужами. Во всяком случае, больше он не противился.

Теперь Кандыба на каждой станции появлялся

в ресторанном буфете в сопровождении нового знакомого.

Вопросы, которые он задавал ресторанным буфетчицам, не страдали разнообразием:

— Водочкой в розлив торгуете?

— Что вы! — возмущались буфетчицы. — Свято блюдем постановление о запрете, а вы с такими двусмысленными намеками. Возьмите коньячок: крепость не меньшая, а лечебные свойства даже еще больше... Вам сколько? Два по сто пятьдесят?

Семен Петрович, подбадриваемый Кандыбой, уже полупривычным жестом опрокидывал внутрь «лечебную» жидкость и, покачиваясь, шел к родимому купе.

...Трудно сказать, чем кончилась бы эта дорожная эпопея, если бы на исходе вторых суток поезд не прибыл наконец в район Голубой бухты. Коромыслов вздохнул с облегчением, увидев умиротворенные пейзажи с кипарисами на первом плане. Новых друзей, несмотря на слабые намеки Семена Петровича на то, что хорошо быселить новопривывших порознь, поместили в одну палату. Кандыба тут же предложил отпраздновать новоселье скромным товарищеским ужином. Слово «скромный» несколько обмануло бдительность Семена Петровича. Но тут гостеприимная сестра-хозяйка объявила, что желающие могут пройтись вдоль аллейки коварства и любви, а там направо... Кандыба тотчас же понял, что таится в аллейке с таким романтическим названием... Вернулся он, держа в руках бутылки со знакомыми уже Коромыслову этикетками.

— Нет, ты только оцени заботу местных организаций! — с восторгом приговаривал Кандыба, ввинчивая в пробку карманный штопор. — Не надо тебе бежать в

ближайший город, не надо наживать колотье в боку — все есть под потребительским носом. За здоровье директора дома отдыха!

Через три дня в местном клубе состоялся концерт художественной самодеятельности обслуживающего персонала. На небольшой импровизированной эстраде, привычно и ловко раскланиваясь перед публикой, появился тучный шеф-повар. Забросив в зал пару замшелых острот, он объявил номер:

— Сейчас выступит с исполнением популярных арий завхоз подсобного хозяйства Плютиков.

Завхоз оказался мужчиной такого сублильного сложения, что невольно возникло сомнение, идет ли ему подсобное хозяйство впрок. Впрочем, Семен Петрович размышлял сейчас не об этом. Он весь был поглощен популярными мелодиями, которые завхоз исполнял с несомненным знанием дела.

«Постой! Выпьем, ей-богу, еще... Последний в дорогу стакан...» — доносились до самых последних рядов страстные призывы завхоза. С особым энтузиазмом воспринял их Кандыба. Он весь как будто осветился изнутри и интимно зашептал сидящему рядом Семену Петровичу:

— Откликнемся на призыв? А?

Коромыслов не устоял и на этот раз. Друзья пошли «откликаться» по знакомой уже аллейке...

Остальные дни прошли в самых невинных занятиях. Под руководством опытного экскурсовода отдыхающие посетили достопримечательные места, расположенные бок о бок с Голубой бухтой. И хотя Кандыба долго отговаривал Семена Петровича от познавательной прогулки: «Стоит ли подошвы бить? Устроим себе удовольствие без отрыва от буфета...» — но Семен Петрович был

непреклонен. И сам Кандыба, чтобы не оставаться в печальном одиночестве, поплелся за экскурсией.

Особый интерес вызвал у экскурсантов рассказ гида об истории возникновения маленькой часовенки с поэтическим названием «Горный пост».

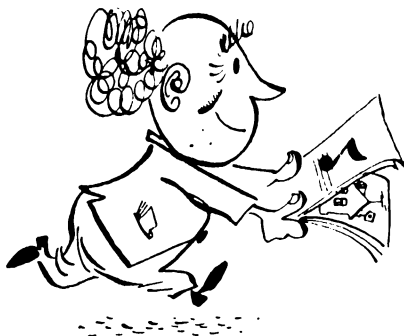
— Вот посмотрите, хорошее здание, да? Оно напоминает духанчик, да? Ах, какое это замечательное заведение — духанчик, да? Так вот, возле этого духанчика... простите, часовенки, встречались в доисторические времена известная царица Тамара и этот, как его, «Витязь в тигровой шкуре»... Какие они пикнички закатывали! Ах, какие пикнички! Как свидетельствует поэт, «лилося, точно две реки, вино Арагвы и Куры...» Но самое интересное — это, конечно, история названия часовенки. Называется ведь она вовсе не «Горный пост», а — скажу вам по секрету — «Горный пост»...

Услышав знакомые слова, приунывший было Кандыба прибодрился и стал отвинчивать у термоса крышку-стаканчик.

...Когда Семен Петрович явился в местком, чтобы доложить о плодотворности своего пребывания на юге, председатель всплеснул руками:

— Что с тобой, друг Коромыслов? Может, надо продлить путевку? Ты бы телеграфировал... Мы бы навстречу пошли... Мы ценим кадры...

— Не надо,— слабым голосом произнес Семен Петрович. — Наотдыхался до отказа. Врачи нашли язву желудка, болезнь почек и какую-то там хворь в печени...

ПОРЫВЫ ВДОХНОВЕНИЯ

— Можете меня поздравить, — сказал Диезов, входя в кабинет редактора музыкального отдела. — Написал ораторию о каменщиках и малярах. Нечто зовущее, нечто поднимающее! Редактор восторженно пожал Диезову руку.

— Строительная тематика нам нужна. Покажите клавир. Впечатляюще... Поднимающе... Садитесь за рояль.

— Рад бы, — сказал Диезов, — но отчаянно тороплюсь. Сегодня заседание нашего строительного кооператива... А ноты вы можете смело печатать.

Через два месяца Диезов вновь объявился.

— Порадуйтесь за меня, — сказал он редактору. Соорудил марш работников мебельной промышленности. Па-ри-ра-ра, па-ри-ра-ра... Мы со-зда-ем, мы соз-да-ем сер-ван-ты и шка-фы... Каково?

— Целенаправленно. Некоторые неточности нужно исправить. А так вполне подходяще.

— Так исправьте, голубчик! Вы можете, вы все можете... А я, с вашего разрешения, удаляюсь. Только что жена договорилась кое с кем о серванте душераздирающей стройности... Пока!.. Па-ри-ра-ра... па-ри-ра-ра.

Следующая встреча с редактором музыкального отдела состоялась довольно скоро. Композитор вторгся в кабинет, сияя оптимистической улыбкой. Без лишней увертюры он протянул ноты, над которыми значилось: «Песенка орудовца».

— Решили осветить тему автомобильного транспорта и шоссейных дорог? — спросил редактор.

— А разве это не прогрессивно? — удивился Диезов. — Разве это не в духе?

— В духе, — согласился редактор. — А какой марки машину собираетесь купить? «Москвич»? «Запорожец»?

— Что вы! — возмутился Диезов. — «Волгу»! Конечно же, «Волгу»!

Редактор взглянул на ноты и покривился:

— Гм. Немного избитый мотивчик. Оставьте...

Главный редактор тоже поморщился, но нашел, что учитывая наметившийся дефицит в массово-песенном жанре, Диезова можно опубликовать. Композитор продолжал творчески расти и вскоре создал фантазию на фольклорные темы «Во саду ли, в огороде». В музыкальный отдел он уже не заглядывал, а общался непосредственно с директором. Впрочем, во время одного из визитов Диезов столкнулся в коридоре со своим старым знакомым.

— Бах в помощь! — вежливо сказал редактор. — Эта фантазия у вас просто фантастическая!

— Вам понравилось? — учтиво поинтересовался Диезов. — Не правда ли, в ней что-то римско-корсаковское?..

— Ага! — согласился редактор. — И еще кое-что балакиревское. А как идет строительство дачи?

— Фортиссимо! Столько темперамента вкладываю! И дранки доставай, и однополый кирпич... Да, а как вы догадались?

— У меня музыкальное чутье, — ответил редактор. — Значит, быт определяет сознание, а уют — творческую работу?

— Именно, — заключил Диезов и поплелся к директору.

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ

Костя Чубаков был уличен на месте преступления. Перед началом уроков он стоял на площадке, ведущей к чердаку школы номер семь, и посредством сигареты «Прима» нарушал правила поведения учащихся.

Возможно, это происшествие не нашло бы отражения в истории, если бы рядом не случился учитель географии. Повязав рукав косынкой дежурного, Михаил Михайлович обходил лестничные марши в неукротимом стремлении к порядку. Его борода замлепроходца бдительно топорщилась.

Завидев курящего ученика, Михаил Михайлович оцепенел. Он долго стоял, неподвижный, суровый и величественный, как памятник Неизвестному педагогу. А за-

тем, протерев изумленно очки, сатирически спросил:
— Ученик шестого класса «В» Константин Чубаков, если мне не изменяет наблюдательность?

— Ага! — кротко подтвердил Костя, быстро втягивая в рукав педокуренную сигарету.

— Отлично! — с удовлетворением произнес учитель. — Разумеется, я мог бы сказать, что вы гадкий мальчик. Но дело в том, что истоки вашего поведения уходят своими корнями в открытие Америки великим генуэзцем Христофором Колумбом, или, как его именуют испанские источники, Кристобалем Колоном...

— Колоном, — охотно согласился Костя, стараясь удержать руку на отлете.

— Очень хорошо! — снова констатировал учитель географии. — Значит, кое-какие познания у вас имеются... Итак, тесный контакт мореплавателя с древней культурой Вест-Индии, лежащей между двадцатым и сороковым градусами северной широты и шестидесятым и восьмидесятым градусами западной долготы, дал человечеству не только познавательные сведения, но и порочные наклонности...

— Да? — уже заинтересованно спросил Костя, переминаясь с башмака на башмак.

Михаил Михайлович принюхался и стал оглядываться.

— Какой странный аромат, — заметил он. — Опять, наверно, на улице плавят асфальт... Впрочем, перенесемся в совершенно иную географическую область. Как свидетельствует известный путешественник семнадцатого столетия Адам Олеарий, множество исследователей и авантюристов пыталось проникнуть в пределы Московии еще в допетровские времена. И они-то занесли вместе с осколками западной цивилизации пагубную

привычку «вдыхания и выдыхания дьявольского зелья»... Нет, явно кто-то хочет подпалить школьные помещения во время моего дежурства!..

— Кто это? — простодушно спросил Костя.

— Мы вернемся к этому вопросу несколько позже, — наставительно сказал учитель. — А сейчас спустимся по карте вниз, в страны Леванта и Ближнего Востока... Представим себе очертания Аравийского полуострова... Вообразим себе барханы, зыбучие пески и ландшафты оазисов... Под сенью финиковых пальм, на высоте двухсот пятидесяти метров над уровнем моря караванчики предавались курению опия, гашиша и анаши. Во дворцах деспотий калифы, султаны и шахиншахи не вынимали изо рта мундштуки кальяна... Таким образом, еще с тех пор курение стало одной из предпосылок, приводивших к инфаркту, инсульту и преждевременным злокачественным опухолям.

Нарушитель правил поведения внимательно посмотрел на учителя, а потом с подозрением спросил:

— А к чему это вы, Михаил Михайлович?

— Как — к чему?! — удивился учитель. — Разумеется, к тому, чтобы вы немедленно бросили сигарету и больше в школе не курили!

— Что же вы раньше не сказали! — плачущим голосом проговорил Костя. — Только зря форму прожег!..

Из глубины новой форменной курточки Кости Чубакова вился желтый неаппетитный дымок. Дыра на рукаве приобрела отчетливые очертания Аравийского полуострова.

В тот же день Михаил Михайлович получил от дирекции нагоняй за то, что во время его дежурства едва не возник пожар. Костя Чубаков опоздал на урок и отделался легким замечанием.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Гости заняли места за столом. Зазвенели бокалы, зажурчала беседа. От погоды, через футбол и курортную страду, перешли к киноновинкам, а оттуда уже рукой подать и до театральных событий.

— Чуть не забыл! — воскликнул помреж Закулисный, извлекая из кармана пухлую рукопись. — Не желаете ли, вот летопись нашей новой постановки. Разрешите рассказать вам об одной своего рода трагедии подготовительного периода?

— Давайте, — любезно согласился хозяин дома драматург Бомаршов.

Помреж вздохнул, словно входя в образ, и эпически начал:

— Знаете ли вы, что такое окончательный вариант пьесы? Нет, вы не знаете, что такое окончательный вариант!.. Пять месяцев вся труппа не ведала, что ждет ее на следующей репетиции. И вот за два дня до генеральной авторы наконец-то объявили нам, что существенных переделок больше не будет... Что творилось в театре, что творилось! Авторы ходили по сцене, не чуя под собой ног. Первая и вторая исполнительницы главной роли, забыв бывшие распри, пили кефир в буфете на брудершафт. Главный режиссер впервые за время постановки комедии улыбнулся... Авторы торжественно поклялись, что данный текст является несокрушимым, непререкаемым, наконец, принципиальным вариантом их комедии «Заклепка»... Впрочем, я прочитаю, как приблизительно выглядел финал третьего действия.

«Парк культуры и отдыха. Комната смеха. К л а в а и В л а д и м и р смотрят на себя в кривые зеркала и смеются счастливым смехом.

Владимир (вдруг становится серьезным, словно сидит в президиуме производственного совещания). Клавочка, ты такая красивая, что даже это кривое зеркало не может тебя исказить.

К л а в а (перебегает к другому зеркалу, кокетливо). А это?

Появляется директор завода, портфель нараспашку. За ним идет сторож-контролер комнаты смеха, глубоко фольклорный старик.

Д и р е к т о р (не переводя дыхания). Наконец-то я нашел тебя, Клавдия! Я рыскал по всем паркам горо-

да, Клавдия! Знаешь, зачем я рыскал, Клавдия?! Я понял, что был неправ!

В о л о д я (*мрачно*). Хоть здесь не становитесь рационализаторам поперек дороги! (*Клаве.*) Уйдем отсюда! Уйдем на колесо обозрений!

К л а в а (*изгнито*). А я еще не во всех зеркалах отразилась.

С т а р и к с т о р о ж (*с затаенным смыслом*). Хорошо смеется тот, кто смеется у последнего зеркала!

Д и р е к т о р. Я не спал ночей, Клавдия! Я думал над нашими разногласиями... Клавдия, послушай мое предложение по поводу твоего рацпредложения.

К л а в а (*смотрит в зеркало*). Ха-ха-ха!

Д и р е к т о р. Вот как?! Значит, я кажусь смешным? Хорошо же! РКК нас рассудит!

Уходит, по дороге заглядывая в зеркало и раздражаясь самокритичным смехом. У входа в парк его ждет машина. Он спешит на завод, созывает совещание, ставит вопрос, принимает развернутое решение при двух воздержавшихся и едет на прием к замминистра, где кается в зажиме критики и консерватизме.

С т а р и к с т о р о ж (*глубокомысленно*). Уехал. Охо-хо! Не в свою галошу не садись. Охо-хо! Не плюй в колодец, вылетит — не поймаешь.

К л а в а. Мудрый ты, дедушка!

В о л о д я. Клавдия, ты любишь директора?

К л а в а. Какой ты ревнивый, Володька! Ты же знаешь, у нас с ним шел разговор только о заклепочном автомате. Директор был против его усовершенствования. А теперь признался в своей косности.

В о л о д я. Тогда что о нем говорить, о косном человеке?

К л а в а. Мой новый автомат даст тысячу заклепок в смену! Разве может быть большее счастье?!

В о л о д я *(уверенно)*. Может! *(Уловив критический взгляд Клавы.)* Две тысячи заклепок в смену!.. Значит, ты его не любишь? Значит, ты меня любишь?! *(Он ее обнимает. Поцелуй. Еще поцелуй. Еще!)*

К л а в а *(в промежутках между поцелуями, мечтательно)*. Если со временем перейти на повышенное число оборотов, автомат сможет давать и две тысячи за смену. Ты прав, любимый! Разве может быть большее счастье?! Две тысячи...

В о л о д я. Может, дорогая!.. Три тысячи заклепок! *Взявшись за руки, молодые и счастливые Володя и Клава идут на колесо обозрений и другие аттракционы.*

Музыка играет вдали что-то массово-лирическое.

Старик сторож *(глядя вслед, очень значительно)*. Что с возу упало, того не вырубишь топором! *Вдали видно, как начинает вращаться на повышенном числе оборотов колесо обозрений. За н а в е с!».*

— Ну, вот, — продолжал помреж, — с этим вариантом мы и принялись заново за работу. Постановщик снова развел мизансцены. Когда утренний репетиционный аврал кончился, мы все вышли в фойе покушать.

— А у меня-то, у меня, — простонал исполнитель роли Володи, — весь текст обновлен. Ведь раньше-то действие происходило не в комнате смеха, а на водной станции.

— Ничего, это в последний раз, — попытался успокоить его актер Пилястров, играющий старика сторожа. — Авторы же поклялись больше ничего не менять.

— Есть рационализаторское предложение, — траги-

чески зашептал комик. — В присутствии авторов о пьесе не говорить. А то опять уцепятся за чью-нибудь мысль и начнут перелицовывать. А у меня уже нервы пошатнулись. Хоть бейся головой о суфлерскую будку!

В этот момент в фойе, бурно жестикулируя, показались оба автора. Мы, участники спектакля, сразу перевели разговор на нейтральную тему.

— А я скоро в новый дом переезжаю, — сказал актер Пилястров, невинно поглядывая на драматургов. — Дают квартиру на десятом этаже. Милости прошу к моему высотному шалашу!

Соавторы насторожились. В их глазах зажглись охотничьи огоньки.

— Десятый этаж! — мечтательно сказал один. — Тут что-то есть!

— Идея! — закричал второй. — Товарищи артисты! Не расходитесь. Мы сейчас поднимем «Заклепку» на десятиэтажную высоту. Комедии нужен актуальный ветер!

И соавторы, не сходя с места, принялись колдовать над текстом. В толпе моих друзей поднялся ропот. А перестройка тем временем шла полным ходом.

— Клава и Володя уже поженились, — вещал один из соавторов, — им дали квартиру в новом доме. Это свежо! Это оригинально!

— А директор? — волновался другой. — Он же бюрократ! Он же не может подниматься на высоту положительного персонажа!!

— Эврика! — подхватил первый соавтор. — Реплики директора пойдут по телефону. Он будет звонить молодоженам из вестибюля. Консерватор не верит в прогресс техники и поэтому боится скоростных лифтов.

— По-моему, оригинально, — согласился второй. —

По крайней мере без кривых зеркал. Как-никак, они искажают облик... Вместо них хорошо бы ввести что-нибудь зажигательное...

— Увеличительное стекло! — предложил первый.

— Нет. Куплеты или дивертисменты... И потом еще как-то у нас не вытанцовывается с директором. Не выпуклый он, не рельефный... Один телефон тут не выручит. А что, если сделать Клаву главой завода? А? Добавим ей десяток лет — получится очень солидно.

— Но тогда же конфликт отпадает, — засомневался его соавтор. — Кто будет мешать? Клава же не может сама себе ставить палки в колеса?

— А мы сделаем изобретателем Володю. Хватит ему баклуши бить!.. И ярче заиграют обе линии — общественная и личная. А какой конфликт! Он ее любит, она его любит, но она против его изобретения, а он против ее консерватизма.

— Иван Иванович! — закричал один из соавторов, заведя исполнителя роли директора. — Мы вас вымарили.

— Спасибо, дорогие, — сердечно сказал Иван Иванович. — Пойду брать отпуск. — И, провожаемый завистливыми взглядами коллег, он побежал в дирекцию.

...На следующий день — за сутки до генеральной репетиции — на свет явился еще один вариант пьесы. Я привожу отрывок из новой ситуации.

«Квартира молодоженов на десятом этаже. В открытые окна видны проплывающие облака. Стол празднично накрыт. Клава и Володя входят, держась за руки, и задерживаются перед большим зеркалом.

Володя (вдруг он становится серьезным, словно увидал в зеркале нечто важное). Ты заметила, как на

тебя смотрели в загсе посторонние? Ты была красивее всех!

К л а в а (*игриво*). Только там? А счастье?

В о л о д я (*теряя голову от счастья*). Наконец-то ты моя жена! Наконец-то мы одни!.. Значит, ты согласна с моим рационализаторским предложением? Ты признаешься в зажиме критики, консерватизме и косности?

К л а в а. Как директор завода я не могу останавливать из-за твоего изобретения целый цех. Можете жаловаться, товарищ Зябликов!

В о л о д я. Вы отсталая личность, товарищ Зябликова! Вы два года не хотите понять, что тысяча заклепок лучше, чем сто! Завод или развод?

К л а в а (*на ее лице смена чувств*). Вова! Милый! Не надо путать личное с производственным!

В о л о д я (*жестко, упрямо, решительно*). Нет, надо! *Стук в дверь. Входит глубоко фольклорный старик, контролер ОТК Ерофеич. В руках, на вышитом полотенце он несет чернильный прибор, сделанный из несортных заклепок. Он поет песню передовых производителей:*

Эх, заклепочка-заклепка,
Повозились мы с тобой!..

В о л о д я (*увидев Ерофеича*). Вот и старые специалисты меня поддержат.

К л а в а. Вы кто, товарищ?

Е р о ф е и ч. Али не узнала? Старик я... дежурный... контролер ОТК. А насчет автомата системы Зябликова так скажу: хорошо будет смеяться тот, кто будет смеяться... того... последним! (*Преподносит молодоженам от имени цехкома чернильно-заклепочный прибор.*)

К л а в а (*сильно колеблясь*). Но ведь риск-то какой!

Ерофеич (*многозначительно*). Что с возу того... этого... упало, того... этого... не вырубишь топором!

Клава (*встревоженно*). Это в каком смысле?

Ерофеич. Все в том же... В смысле не в свою галошу не садись!

Клава (*просветленно*). Ах, в этом!..

Володя. Завод или развод? Развод или завод?

Клава (*с огромной душевной борьбой*). Взвесила! (*Все еще борется.*) Оценила! (*Кончила борьбу.*) Поняла!

Ерофеич. Я так скажу: не плюй в колодец, вылетит — не поймает. (*Садится за стол, выпивает и закусывает в честь молодоженов.*)

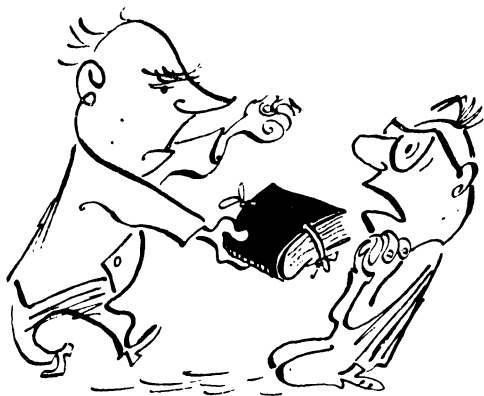
Клава и Володя, взволнованные и счастливые, выходят на балкон. Поцелуй. Еще поцелуй. Еще. Мимо пролетает самолет. Подоспевшее облачко скрывает Зябликовых от посторонних. Занавес.

...Гости подавленно молчали.

— Идея! — вдруг поднялся с места хозяин дома драматург Бомаршов. — Значит, в комедии у этих авторов директор молодой? Тут что-то есть... Прошу прощения, друзья, но вы ведь знаете, у меня пьеса готовится в театре... Скоро генеральная, надо вовремя внести поправки.

И Бомаршов прошел в свой кабинет. Через минуту оттуда донесся скрежет телефонного диска и раскатистый голос драматурга:

— Надо ввести в третий акт старушку... Ну, такую... сказительницу... А директор пусть будет ее сыном. Его роль придется передать кому-нибудь из молодежи... Сейчас это актуально. Через полчаса я продиктую вам окончательный вариант диалога.

ЧАЙНИК

Бездарных, но невероятно плодовитых авторов-графоманов в редакциях величают сердечно и непонятно «чайниками».

Один такой «чайник» приходил к нам в газету почти ежедневно. Заведующая отделом писем при виде его бросалась к флакону с валерьянкой. Вахтер воинственно ошетикивал усы. В отделе литературы поднималась паника.

— Спасайтесь, братцы! Опять приволок опус...

Но на этот раз «чайник», не обращая внимания на окружающих, двинулся прямо в кабинет ответственного секретаря. Положив на кипу гранок свою мшистую шляпу, он вынул из папки объемистую рукопись.

— Роман прикантовал... Напечатаете? Нет?.. Жаловаться буду. Писать буду. Снимать с работы буду...

После легкого оперативного обморока секретарь по-

клялся прочитать все до последней запятой. Но зря поклялся. Едва он взглянул на первую страницу, как его захихорадило: ни одного слова в пятисотстраничном труде автора разобрать было невозможно.

Кликнули машинисток. Те ознакомились с почерком настойчивого графомана и сразу же подали заявление об уходе. Умудренные опытом стенографистки, способные расшифровать даже древнеассирийскую клинопись, и те отступились.

А вслед им неслось:

— Жаловаться буду. Писать буду. Снимать буду...

Ответственный секретарь стал на колени:

— Ну сядьте рядом с машинисткой! Ну продиктуйте ей свой неведомый шедевр!

«Чайник» отнекивался:

— У меня голос сиплый. И потом это ваша обязанность рукописи читать. Особенно талантливые. Где чуткость? Где внимание?

Последние слова напугали секретаря до дрожи. Угроза увольнения нависла над коллективом. В воздухе пахло оргвыводами и вызовами в высокие инстанции.

К счастью, выручил старый репортер. Он пережил два землетрясения и восемь сокращений штатов и не боялся ничего на свете.

— Дайте-ка мне на рецензию,— предложил репортер.— Мы с автором найдем общий язык.

— Пощадите себя! — упрашивали приятели.— Вам и так на пенсию.

Через два дня репортер принес рецензию на роман. Срочно послали за автором. Он прибыл, сияющий и самодовольный.

— Пока сидите на местах. Увольнение временно отменяется.

Репортер учтиво вручил автору романа заключение. «Чайник» взглянул и обмер.

— Но ведь такой почерк невозможно прочитать! — вскричал он. — Вы что же, морочите меня, да? Ну скажите, морочите?

— Что вы, милейший, — отвечал репортер. — Вполне же читабельно... Вот это буква «а», вот эта «б», и так далее по алфавиту. А диктовать я не могу: у меня дефекты в речи...

Автор романа нервно схватил рукопись под мышку, вперил взор в рецензию и, колеблясь всем телом, вышел из кабинета.

НЕМА ДУРАКОВ

О бережливости главного бухгалтера студии сложились легенды. Из уст в уста кочевала сага о том, как главбух наложил вето на римские туники из актуальной исторической ленты «И ты, Брут?!» Угнетенный режимом экономии Кай Юлий Цезарь вынужден был щеголять в голкиперских трусах.

Стяжать у главбуха аванс считалось делом столь бесперспективным, что, когда это удалось одному областному классику, популярность его творений увеличилась втрое. Но этот прецедент одиноко мерцал в летописи, которую вели сотрудники расчетной части.

Разумеется, исключение не было сделано для молодого сценариста Гармаша, принесшего на студию заявку. И сколько ни убеждал он главбуха, что для

углубленного проникновения в деятельность рыболовецкого совхоза надо изучать натуру на месте действия, Гармашу было отказано даже в командировке.

— Смиритесь! — сердобольно советовал режиссер будущего фильма. — Покоритесь!.. И повнушительнее вас творческие единицы терпели поражение на финансовом фронте. Я сам три месяца выплачивал монеты за перерасход декоративной дерюги... Уймитесь!

Юный сценарист закручинился.

— Ведь, кроме сюжета, я ничего о рыбаках не ведаю, — простодушно сознался он. — Вы сами твердили, что специфика, она требует... Колорит пужен и опять же антураж...

— Твердил. Не открещиваюсь. Но, может, пойти по испытанному шляху, а? Создавайте свой киномаринад без отрыва от письменного стола... А антураж мы уточним в процессе съемки.

Пришлось смириться. Главбух был тверд, как алмазный бур.

— Финчасть не может рисковать! — говорил он непреклонным голосом. — Нема дураков!.. Какая-то рыба-невеличка, а уже просится на берег морской. Натворит какой-нибудь смех сквозь слюни, а потом из меня ревизор все вина-соки выжмет... Нет, нема дураков!

Гармаш занял денег у приятелей и последовал наставлению режиссера. Одолевая по-бальзаковски кофейник за кофейником, он прихотливо плыл по течению. Конфликт между растущей бригадой рыбаков и закосневшим в браконьерстве консерватором был так заманив, что антуражные детали выплывали сами собой.

Через два месяца сценарий был испечен. Режиссер выдернул папку из рук Гармаша и ринулся паковать баулы. Его подхлестывал квартальный план.

Съемочная группа комплектовалась из десяти человек. Режиссер не мог легкомысленно отнестись к созданию комедии и захватил к морю директора кинокартины, двух ассистентов, трех операторов и пять студентов актерского факультета. Главбух, завершив расходную ведомость, поставил против фамилии юного сценариста восклицательный знак. Это издавна означало у него сэкономленную сумму.

Киноэкспедиция отсутствовала полгода. Гармаш застенчиво перечитывал письма, полученные от режиссера. Погода стояла субтропическая. Море посмеивалось. Две тысячи метров пленки были израсходованы без остатка. В ожидании предстоящих благ Гармаш пробавлялся творожниками в соседней диетстоловой.

...Когда фильм был показан авторитетной комиссии, у председателя волосы тревожно зашевелились на голове.

— Так, значит, автор утверждает, — сказал он, оглядев Гармаша долгим взглядом, — что севрюг и прочих осетровых ловят на мормышку? Очень мило, очень... А сомов надо хватать за усы? Очень свежо, очень... Следовательно, акулы клюют на мотыля? Очень любопытно, очень... А скажите, мой юный друг, почему бы вам не познакомиться лично с рыбонаселением совхоза?

Гармаш сидел зардевшийся и печальный. Режиссер делал нейтральное лицо. Он помнил строгое внушение бухгалтера насчет того, что смета не терпит отсебятины. Фильм был снят в точном соответствии со сценарием.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал главбух, списывая ленту в брак. — Хорошо еще, что у меня астрономическая предусмотрительность!.. Гм... Семьдесят пять тысяч убытков!.. Акурат уложились в норму. Еще бы одна командировка — и ревизор из меня бы все вина-соки выжал. Нет уж, нема дураков!

Когда вдруг выяснилось, что вахтер инструментального цеха Кузьма Иванович Наждак не является членом ДОСААФа, председатель заводского общества развел руками.

— Пять лет в охране числишься, а такая неосознанность! Тебе оберегать госимущество доверено, а ты не охваченный!.. Вот что, Кузьма Иванович. Завтра после дежурства приходи. Мы тебя вовлечем в ряды. ...За овальным столиком с гнутыми

ножками, неведомо откуда попавшим сюда, восседали члены совета во главе с председателем Терешкиным.

Кузьма Иванович несмело вздохнул и выбрался к первому ряду.

— Да вы не тушуйтесь, товарищ Наждак,— ободряюще сказал председатель.— Тут все свои. Излагайте биографию, невзирая... А мы оформим членство...

— Не тушеваться? — оживился Наждак.— Это пожалуйста. Так вот, дорогие сограждане и сослуживцы... Жизненный путь у меня всегда к цели устремленный... Родился я давным-давно назад. В Даниловке, на улице Шаболовской. Старые горожане небось помнят наш дом. Как раз в первом этаже у нас трактир помещался. Подавали на вынос и распивочно. Пельмени были, растегаи опять же... Учился я, конечно, на соседней улице. Напротив чайная располагалась. А к чаю, натурально, штофы положены. Такая, знаете, плоская сосуда — очень удобно в заднем кармане укладывалась, не то что ны-

нешние... Работать начал в мастерских скобяных. Кто бывал в тех местах, на Серпуховке, может, знает — наискосок пивной зал номер три. Всегда в наличии свежие раки, сухарики соленые, а бывает, и вобла. Гастрономия, одним словом...

— Это нам понятно, — нетерпеливо вмешался Терешкин. — Вы ближе к сути. Конкретнее, то есть.

— Я и так конкретнее, — потупился Кузьма Иванович. — Путь-то у меня сложный и, опять же, извилистый... Так, значит, перешел потом слесарем в артель. Небольшая такая артель, невзрачная на облик, а доход давала народному хозяйству. И что удобно — рядом дежурный магазин: хоть в полночь, хоть за полночь, всегда распахнут. А в магазине том любая тебе закуска... А последние десять лет я привязанный к нашему родимому заводу. Участвую, конечно, в общественной жизни по линии городков и воскресного выезда на массовки. Одно плохо: буфет наш нечутко работать стал, кроме кваса да лимонада с бутербродами, ничего такого воодушевляющего не берет на лоно... Вот и все, можно сказать, мои жизненные вехи...

— М-да, — задумчиво пробормотал председатель. — Содержательная жизнь. Насыщенная биография. Так что, будем обсуждать кандидатуру?

— Воздержимся, — сказал член совета. — Все ясно, как бутылочное стеклышко.

— Принято! — решительно сказал председатель. — Заметано!

— Есть предложение, — вдруг спохватился член совета. — Пускай товарищ Наждак пройдет по родимым улицам заново. И в следующий раз расскажет нам, какие культурные учреждения там возникли. Тогда и охватим членством.

— Ну, а теперь,— молвил председатель месткома, — перейдем к третьему вопросу. Обсуждение заявления отделения Худфонда о том, что в нашем учреждении свил себе гнездо носитель чуждой морали Н. П. Расторгуев. Мы как общественность должны дать носителю по рукам.

Встаньте, член профсоюза Расторгуев, и расскажите местному о своих художествах.

Бухгалтер Расторгуев поднялся с места, тревожно почесал в затылке, о котором сослуживцы говорили, что он «на волоске от лысины», и начал:

— До сих пор перед вами стоял скромный бухгалтер материальной части, аккуратно плативший членские взносы. Сейчас перед вами стоит человек, который свил гнездо... Объясняю суть... В прошлом году у нас завязались финансовые отношения с Худфондом. Мы им перекинули с баланса на баланс две тонны творческого холста на сумму триста восемьдесят рублей пятьдесят три копейки... Звоню я однажды своему коллеге из Худфонда: «Борис Савельич! Наш нечуткий председатель месткома отказал мне в санатории. Не поспособствуете ли вы собрату по арифмометру?»

Председатель месткома обидчиво пошевелил кустистыми бровями и сказал:

— Попрошу без намеков, товарищ Расторгуев. Я же вам говорил, что лимиты кончились.

— Может быть,— продолжал Расторгуев,— может

быть, лимиты кончились, но зато началось мое падение. Так вот. Звонит мне месяц назад худфондовский бухгалтер и говорит: «Пакуйте саквояж, Николай Палыч! Раздобыл вам путевку в Дом творчества. Не дом, а торт «Сюрприз»! Прибыл я на место действия — не обманул коллега: благоустройство воздуха, куда ни глянь — одни пейзажи и натюрморты.... На аллеях гипсовые купидончики в пионерских галстуках... В беседках сидят творческие работники в бухарских пижамах и дамы в соломенных шляпах без дна, нимбах, по-ихнему...

— Не уводите! — строго сказал председатель местного.— Ближе к существу.

— Не увожу, — кротко ответил Расторгуев. — В моем деле каждый мазок создает этот самый... колорит... Так вот. Отдыхаю день, блаженствую неделю, телосложением начал округляться. Вдруг прибегает замдиректора по хозяйственно-творческой части: «Сходите на склад, товарищ Расторгуев. Возьмите под расписку инвентарь — мольберт, кисти и краски. Комиссия прибывает. По чьей-то клеветнической жалобе проверка будет соответствия. Так вы сядьте вон на холмике и пишите морской пейзаж». Я, откровенно говоря, больше к контокоррентным книгам привычен. Но не подводить же благодетелей! Смотрю, вся наша колония побросала преферанс и на берегу уселась. В воздухе только и слышно: «Ах, какие ракурсы!.. Светотени, светотени — сплошной Айвазовский!» Добралась комиссия и до меня. Авторитетная такая тройца. Один — вроде бильярдного шара в очках. Другой — с пиратской бородищей. А у третьего — палка с набалдашником, будто монумент с острова Пасхи. Видать, лауреаты... Взглянули на мой мольберт, помолчали. Тот, который с острова Пасхи, ткнул палкой: «Что это вы изобразили?» Я по-

жал плечами: «Натюрморт всякий. И опять же морской пейзаж». Бильярдный шар говорит: «За границей бывали?» Я отвечаю: «В прошлом году вокруг Европы путешествовал». Пират поинтересовался: «С итальянской системой знакомы?» Я честно признался: «А как же?! И с простой, и с двойной. В нашем деле без этого нельзя». Комиссия потопталась немного и ушла. А я решил посмотреть, что настоящие художники натворили. Подошел к одному — море у него на кляксу похоже... Посмотрел у другого — вместо лодки таракан разрисован. Оригинальничают, черт подери! Мало их, видать, критикуют... В полночь прибегает ко мне замдиректора, за голову держится: «Комиссия велела посторонних из дома проводить, а о вас, как носители чуждой морали и проповедники абстракционизма, поставить вопрос!» Ну вот, я и отбыл домой досрочно. А вместе со мной почему-то на поезд грузилась половина курортников...

— Какие будут мнения? — спросил председатель.

— Сколько у товарища Расторгуева осталось дней, не охваченных отдыхом?

— Две недели, ровно половина срока.

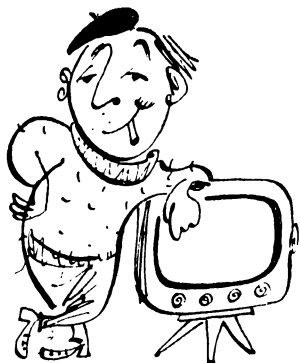
— Есть предложение. Выдать срочно Н. П. Расторгуеву путевку в нормальный дом отдыха.

— Так ведь я же говорил, — взмолился председатель месткома. — Лимитов же нет!

— Надо изыскать. Учтите. Наша бухгалтерия наладила отношения с Музфондом. Нотную бумагу тем надо, что ли?.. А Расторгуев, кажется, никогда к роялю не подходил. Нельзя, товарищи, рисковать!

— Нельзя, — согласился председатель. — Ну, а как же заявление? Отвечать же надо. Решение выносить.

— Вот и напишите им: «Меры приняты.... Дали по рукам... Оторвали от среды...»

Замечено, что большинство договорных связей между организациями и отдельными авторами завязывается при помощи телефона. По-видимому, это объясняется похвальным желанием быть на уровне современной техники. Войди в обиход видеотелефон или карманный радиотелеграф, наверняка твор-

ческие переговоры велись бы на более высокой технической ступени.

...В полночь в квартире Берендеева завершал телефон. Не подозревая ничего худого, Берендеев расслабленно взялся за трубку. Вкрадчивое контральто проворковало:

— Это говорят с телевидения.

Берендеев вздрогнул.

— Не вешайте трубку! Ради бога, не вешайте трубку!.. Я знаю, что вы недооцениваете ведущую роль телевидения в области просвещения широких зрительских масс. Я знаю, что вы объезжаете нашу студию на трамвае... Но учтите. Мы перестраиваемся. Инстанции отменены, и теперь даже маститые авторы идут к нам гурьбой...

Берендеев был стреляным воробьем. К его творческим услугам охотно прибегали и бойкие конференсье, и величавые мастера художественного слова, и бесцеремонные коверные клоуны. Любой социальный заказ для эстрады или театра миниатюр он выполнял с при-

сущим ему тактом и эрудицией. А однажды даже выступил с собственной киномикрометражкой. Однако маститым он себя не считал. Но какой исправно платящий взносы член группкома драматургов будет опровергать этот титул?

Берендеев промолчал. Это его и погубило.

Контральто продолжало завораживающе ворковать:

— Вся редакция припадает к вашим стопам. Ну, отобразите! Ну, создайте! Хотя бы короткую сцену. Ну вот с полмизинца... Или инсценируйте какого-нибудь классика, а? Мы теперь боремся за пропаганду высоких образцов. Пройдет пулей. Космической ракетой. Учтите, телевидение перестраивается.

— Ладно,— согласился Берендеев, — продаю свою бессмертную душу.

Приятель, с которым Берендеев поделился своими планами, сардонически рассмеялся:

— А ты когда-нибудь видел пожар в птичнике во время наводнения? Не видел? Ну тогда иди, иди на студию... А меня туда и гонорарным калачом не заманишь.

— Консервативная ты личность,— пытался обороняться Берендеев.— За телевидением будущее. За телевидением перспективы... И потом для меня это новая область познания.

— А разве недостаточно тебе подсобных материалов: ругательных рецензий, пародий, фельетонов?

— Достаточно. Но они отображают, так сказать, внешнюю сторону вопроса, так сказать, видимый результат. А мне хочется взглянуть, так сказать, изнутри. Как это делается.... Минуточку! Вот, кстати, и тема... «Как это делается». По Чапеку. Типичный классик. А нам надо бороться за пропаганду высоких образцов...

Приятель безнадежно махнул рукой и испарился.

Переступив порог телередакции, Берендеев изумился. Вопреки пророчеству приятеля он встретил здесь почти могильную тишину. За столами, заваленными папками, сидели задумчивые девы в аспирантских очках. Завидев автора, они смахнули забракованные рукописи и кинулись к Берендееву на шею.

— Наконец-то! — вскричали задумчивые девы, не размыкая железных объятий. — А мы уже истомились. Истосковались мы уже. Вся редакция не спала целую неделю, ожидая вашего визита. Немедленно обсуждать! Срочно редактировать! Экстренно сдавать в производство!

Берендеева усадили в самое мягкое кресло, какое можно было отыскать на студии. Его прикатали из кабинета главного редактора, пребывавшего в очередной туристской поездке. Задумчивые девы уселись в кружок. Берендеев водрузил на нос очки, раскрыл подарочную папку и начал:

— Значит, так. На экране появляется титр: «Как это делается. По Карелу Чапеку. Автор сценария — Н. Берендеев». Затем, после легкого вальса, начинается действие. Бедная заснеженная мансарда. Писатель Ян Дуган нянчит малолетнего сына. Эта идиллия нарушена резким стуком в дверь. «Войдите!» — говорит писатель, хватаясь за сердце. Входит почтальон...

— Стоп! — милицейским голосом произнесла старшая редактриса. — Очень мило. Это то, что нам сейчас нужно. Это то, чего мы давно уже ждем. Только, понимаете, не все понятно. Не дойдет до широких зрительских масс. Почему «Как это делается»? Зачем по Чапеку? Отчего Н. Берендеев? Все это надо расшифровать, растолковать, заземлить.

— Это вам не кинематограф,— сказала задумчивая дева рангом пониже.

— И не театр,— объяснила ее соседка.

— И не цирк,— уточнила третья.

— Понимаю,— закивал Берендеев.— Это мне не кино, не театр, не цирк, не консервный завод, не детский сад, не хлебопекарня...

— Стоп! — тем же милицейским голосом скомандовала старшая редактриса.— Вы уже улавливаете нашу специфику. Хотелось бы, чтобы этой волнующей сцене в мансарде было предпослано вступление... Дайте мне из шкафа собрание сочинений... Так... Ну, что-нибудь в этом роде: «Известный чехословацкий писатель Карел Чапек родился в 1890 году в небольшом местечке Мале-Сватоневице, в семье врача. Получив образование в Пражском университете...» и так далее. Просветительно. Познавательно. Вот в чем наша специфика. Попробуйте такое дать в кино — не пройдет... А мы можем. Мы все можем.

— Понятно,— трусливо сказал Берендеев.— Вы все можете. Ну, так я пойду.

— Что вы! — вскричали девы хором.— Куда пойдете? Никуда не надо идти. Оставьте, мы сами доведем до уровня. Все равно вы еще не овладели спецификой. Впрочем, никто еще не овладел... Через месяц заходите.

В назначенный день состоялась встреча Берендеева с режиссером Сердечным. Это был энергичный теледееватель в синем кокетливом берете и пиджаке в крупную зоопарковскую клетку. Ходили слухи, что еще в отрочестве он присутствовал на беседах со Станиславским. Редактрисы перед ним благоговели.

— Приступим,— замораживающе сказал Сердечный.— Тут у вас написана какая-то мура. Не обижай-

тесь. Я человек нелицеприятный. Константин Сергеевич не раз говаривал: «А ну, Гриша! Оцени продукцию. Только на тебя и надеюсь». Так вот. Накропали вы ерунду. Это все не телевизионно. Не прогрессивно. Не агрессивно. А нам пужны экспрессии. Депрессии нам нужны... Эту легкомысленную музычку снимем. Наложим Бетховена. Очень углубляет. Почтальон в экспрессии. Дуган в депрессии. Стук в дверь дадим на литаврах. Содрогает. И пи к чему всякие «Войдите». Слова снимем. Это расслабляет. А нам надо психологично. Пусть писатель не вздрагивает при виде почтальона, а падает в обморок. И за сердце хвататься — сентиментально... Дадим сердце во весь экран. Из папье-маше. Вот в таком крупном плане. Лаконично. Специфично. Телевизионно. Константин Сергеевич недаром говорил: «Меньше слов, больше дела. Незаменимый ты человек, Гриша! Все что-то болтают, критикуют. А ты молчишь...»

— Какой Константин Сергеевич? Станиславский?

— При чем тут Станиславский? Это наш самый главный...

Получив через два месяца сценарий, начальник производства Понтонов почесал за левым ухом и сказал:

— Не пойдет!

Берендеев насупился:

— Почему не пойдет? Редакторы в восторге. Режиссер одобрил. Лишние диалоги я устранил. Лаконично. Психологично. Реалистично.

Начальник производства почесал за ухом и сказал:

— Реалистично не пойдет. Здесь у вас вон сколько пиломатериалов на мансарду надобно. А где я достану тес? Это вам не театр — капитальные декорации строить. Тут нужно наше родимое, телевизионное... Дадим ри-

сованный задник, из мебели — одну табуретку. Она по смете предусмотрена. Ага! Мансарда заснеженная! А где я добуду снег?.. Специфика, брат писатель.

Через некоторое время эстафета добралась до оператора Мудренко. Он зажмурил один глаз, другим прицелился сквозь кулак на рукопись.

— Треба все переделать.

— Все? — кротко спросил Берендеев.

— Все. Вот у вас сцена на табуретке. Гарная сцена. Аж серденько захолонуло. Но нехай она проистекает не при ясном дне, а когда солнце низенько, вечер близенько. Сами понимаете, специфика!

— Какая специфика? Где специфика? — заскулил Берендеев.

— А як же? Это вам не кино. Там, понимаете, софиты, юпитеры, сатурны разные. А у нас?..

Сцена пошла при смутном, призрачном освещении. Впрочем, режиссера это не смутило. Он нашел, что психологизм и лаконизм будут еще более углублены.

— Полумрак. Светотени. Блики. Разве в кинематографе так могут? Не могут так в кинематографе. И в театре не могут. Ну, а если зрители кое-что не разглядят, сошлемся на неисправность телевизоров. Вот так. В таком крупном плане.

...Разумеется, в назначенный день Берендеев сидел у телевизора, как зачарованный. Он ждал своего часа. Наконец после волнительного репортажа из детских яслей № 16 и кинохроники Закарпатской студии «Из жизни бобров» появился диктор и взвинченным голосом объявил:

— Начинаем передачу, посвященную творчеству известного чехословацкого писателя Карела Чапека.

Диктор перевел дух и, делая вид, будто вызубрил

весь текст, стал читать лежащую перед носом книгу:

— «Известный чехословацкий писатель Карел Чапек родился в 1890 году в небольшом местечке Мале-Сватоневице, в семье врача. Получив образование в Пражском университете, он посвятил себя литературной деятельности. Ранние рассказы Чапека отражают растерянность и смятение, вызванные в умах мелкобуржуазной интеллигенции обострившимися в связи с войной противоречиями общественной жизни...»

Передача продолжалась пятнадцать минут. Изложив основные вехи жизни и творчества Чапека, диктор болезненно улыбнулся и объявил, что через минуту будут передавать журнал «Для вас, деточки!». На экране появились бумажные розы, и Берендеев понял, что с ним покончено. Он бросился к верному телефону. Воркующее контральто пролепетало:

— Не правда ли, как мило получилось, а? Познавательно. Просветительно. Телевизионно... Что? Как ваша инсценировка? До последней минуты держалась. Вам здорово повезло. У других снимают в самом начале. Специфика!.. Зато в следующий раз...

Когда Берендеев повстречал приятеля-скептика, тот рассмеялся испытанным сардоническим смехом.

— Ну как, вскрыл специфику изнутри?

— Вскрыл, — нервно ответил Берендеев.

— Объезжаешь студию стороной?

— Что ты! — вскричал Берендеев. — Каждый день туда езжу.

— Неужто увлекся?

— Кой черт! — махнул рукой Берендеев. — Никак не получу гонорар. Там в ведомости что-то напутали...

И он, придерживая подарочную папку, бросился к трамваю.

Эрудиция была самым сильным местом у юного сотрудника отдела информации Владислава Горошко. Она же была и его слабостью. Чем-то вроде ахиллесовой пяты или любимой мозоли, на которую каждый норовил паступить.

В противовес снобам из сектора международных обзоров Горошко считал свою специальность прогрессивной и растущей.

— Конечно,— значительно говорил он своим оппонентам,— всяким судебным хроникерам и двухстрочечным рептилиям приходит каюк. Но настоящий эрудированный репортер еще послужит народному хозяйству.

Когда стало известно, что проездом на юг в городе сделает привал известный антрополог, прежде всего вспомнили о Горошко.

— Учтите,— строго сказал редактор,— факты — это альфа репортера, а цифры — это его омега... Захватите светило в гостинице. Выведайте у него все о роли труда в процессе очеловечивания обезьяны. Объективно. Без лирических отступлений. Если через полтора часа интервью будет у меня на столе, я поверю, что самый нужный сотрудник в газете — это репортер... После редактора, разумеется,— добавил он, слегка поразмыслив.

Горошко умчался на редакционном мотороллере со второй космической скоростью. Сделав несколько витков вокруг гостиницы, он отважно направился в номер учебного. В голове у репортера роились сведения, почерпнутые в томе энциклопедии от «А» до «Астурии».

Ученый сидел на розовом гостиничном пуфике и щелкал бухгалтерскими счетами. По всем признакам он не очень торопился, и Горошко решил, что беседа может быть обстоятельной.

— Несколько слов для текущего номера, и вы можете паковать чемоданы,— учтиво сказал Горошко.— Не думайте, что здесь обитают какие-нибудь питекантропы. Уровень знаний, поддерживаемый местным отделением по распространению, вырос в нашем городе за последние пять лет на четырнадцать и шесть десятых процента...

Ученый вздрогнул. Брови его тревожно зашевелились.

— Человек, — произнес он угрюмо, — человек, который врывается...

— ...в тайны мироздания,— подхватил Горошко,— настолько возвысился над животным миром, что покоряет самое живое воображение. Его отличают социальные качества, совершенно несвойственные животным. Наука, техника, культура...

Антрополог заслонил раскиданные на столе бумаги и проговорил:

— Да как же...

— Да как же произошла эволюция? — обрадованно ухватился репортер за ясные идеи гостя.— Как же обезьяна научилась изготавливать орудия? То есть каким образом мог возникнуть труд? Прошу вас, профессор, я внимательно слушаю.

— Если вы сейчас же...

— ...представьте себе, как несколько миллионов лет назад,— с живостью закончил фразу Горошко,— некоторые виды обезьян перешли к хождению на двух ногах, то вам станет многое ясно... Отлично, профессор, отлично! Продолжим в том же духе!..

...Когда Горошко отворил двери в кабинет редактора, его встретил пылающий взгляд.

— Интересно,— сказал редактор подкупающим голосом,— интересно, где это может пропадать сотрудник, над которым нависла угроза увольнения?

Репортер победно усмехнулся.

— Вот,— сказал он, бросая на стол исписанный блокнот,— вот самая содержательная беседа, которая когда-либо была напечатана у нас. Это вам не обзор...

— Беседа? — переспросил редактор, приходя в некоторое замешательство.— С кем, осмелюсь спросить?

— С антропологом профессором Семеновым-Памирским! — тщеславно пояснил репортер.— Еще полчаса, и мы бы заняли всю полосу.

Редактор молниеносно пробежал записи и схватился за то место, где по его расчетам мог возникнуть инфаркт.

— Так ведь он только что был здесь! Прощай вас без толку полтора часа и укатил на вокзал!..

— Мистика! — слабым голосом сказал Горошко.— Раздвоение личности!.. Кто же это был?.. И какая эрудиция, а?! Да он мне не дал вставить ни одного слова...

Редактор соединился с гостиницей и путем наводящих вопросов узнал, что собеседником Горошко был экспедитор межрайонного комбината. Он покинул город в крайнем волнении. Последний раз его видели у кассового окошечка на перроне. Экспедитор бормотал загадочные слова: «Обезьяна... на двух ногах... хождение... нахождение...»

Когда Горошко покинул кабинет, редактор печально вздохнул:

— Какая эрудиция, а?! Нет, не умеют еще у нас ценить кадры... Эх, если бы мне иметь при газете такого консультанта, как этот экспедитор!

СПОКОЙСТВИЕ ДУХА

Бухгалтер Капитонов решил прогуляться вместе с сынишкой в зоопарк. Сынишка в восторге.

— И слонов посмотрим?

— И слонов, если будешь умненьким-благоразумненьким...

— И жирафу?

— И жирафу, если не будешь верхоглядом...

— И попугая?

— И попугая, если не будешь болтать за обедом...

Остановились у вольера, за которым взапуски гоняются друг за другом зебры. Сынишка хлопает в ладоши.

— Пижама, как у тебя, папочка!

Одна любознательная зебра приблизилась к барьеру.

Папаша Капитонов хочет угостить полосатого уроженца Африки.

— Гм. Симпатичный, понимаешь, зверь. Надо бы завязать контакт. Нет ли у тебя чего-либо в кармане?

— Вот ластик только,— с готовностью отвечает сын.

— Подходящее меню. Ну-ка подойди сюда... э... как тебя? Кис-кис... тега-тега...

Мгновение, и ластик исчез между зубами. Зебра фыркнула, чихнула, но проглотила гостинец.

— Видал, какое животное?! Учись, брат, как надо себя вести.

Вдруг папаша Капитонов замечает щиток с надписью: «Животных кормить строго воспрещается! За нарушение штраф».

Капитонов, ухватив за руку сына, быстро шагает прочь.

— Папа,— вспоминает Капитонов-младший,— а на ластике-то вырезаны моя фамилия и номер школы.

— Вот ты всегда так!.. Я же говорил тебе, зря нигде не расписывайся! Безответственная ты личность!

Капитонов-старший в ужасе: а вдруг зебра не переварит резинку и околеет? Подходит к служителю зоопарка и ласково спрашивает:

— А крокодилы у вас есть?

— У нас все есть, товарищ посетитель.

— А скажите, сколько стоит зебра?

— Желаете купить?

— Да нет, это я для интереса...

— Ну, смотрите, а то по знакомству могу уступить.

По нынешним ценам тысячи две потянет.

У Капитонова подкосились ноги. Настроение безнадежно испорчено.

— Ах, черт возьми! И надо же было мне пойти на экскурсию! Нет, в следующий раз топай со школой. Пусть учителя за все отвечают.

Расталкивая толпу, выбирается на улицу. Дома в своем портфеле сын обнаруживает ластик со своими биографическими данными.

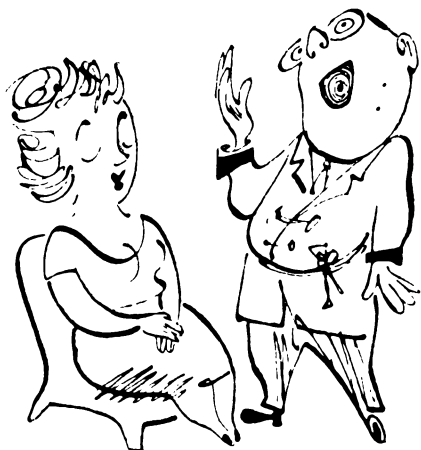
— Папочка, вот, оказывается, мой... Видишь: «Петя Капитонов. Школа № 7».

— А зебре мы что скормили?

— Резинку соседа по парте, Кольки Смирнова. Я ее по ошибке унес домой.

— Уф! Смирнова, значит?.. Кольки, значит?.. А адрес на нем есть? Ну, тогда все в порядке... Эх, и морока с этим внешкольным воспитанием!

Папаша Капитонов обрел былое спокойствие духа.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

К этому дню я готовился весь год. По временам отрываясь от диссертации, я обдумывал тезисы предстоящей беседы с женой. Мне приходилось слышать, что в такие дни наивные мужья пытаются флакончиком духов или шоколадным набором «Пьяная вишня» оградить себя на год вперед от супружеских конфликтов. Но я поступил куда более целеустремленно.

Утром, едва забрезжило солнце, я разбудил Машу и сказал, что в такой день не следовало бы долго спать. Маша растроганно поблагодарила за заботу и отправилась на кухню варить кофе. Я последовал за ней и, стараясь не мешать приготовлению завтрака, начал подготовленную беседу.

— Маша! — начал я значительно. — Итак, сегодня —

день твоего рождения. Задумывалась ли ты над тем, какое место он занимает в ряду календарных дат? Мне кажется, что ты не осознаешь его значения в общественно-историческом аспекте.

— Минуточку,— сказала Маша,— я только покормлю Татьянку и отправлю ее в школу.

— Хорошо,— согласился я,— но не очень задерживайся.

Я подсчитал, что жена тратит на сборы дочери слишком много времени, отрывая от нашей беседы драгоценные минуты. Наконец Маша появилась в моем кабинете.

— Коля,— сказала она,— через несколько минут мне надо идти на службу.

— Если ты не будешь отвлекаться по пустякам, я вполне успею изложить предмет. Итак, рассмотрим твой день рождения с исторической точки зрения. Возьмем для начала ранний кайнозой. Что мы видим в эту покрытую тайной эпоху? Мы видим исчезновение динозавров и наступление ледников... Несколько позже мы замечаем появление косматых питекантропов и низкоробых неандертальцев... Могли ли они оценить роль женщины в деле очеловечивания обезьяны? Нет, не могли. Ограниченное мироощущение не позволяло им понять, что именно женским индивидуумам принадлежала ведущая роль в воспитании мужчин как наиболее совершенной субстанции...

— Коля,— сказала жена,— надеюсь, ты не рассердишься, если я побегу на службу. Заверни мне бутерброд, я не успела позавтракать.

Я остался один, терзаясь мыслью, что не успел сообщить Маше ряд важных сведений. Мне не терпе-

лось ей доказать, что каждая минута этого дня дорога, и я позвонил Маше на службу.

— Дорогая,— сказал я в трубку.

— Милый,— сказала Маша,— я тронута и с нетерпением жду вечера...

— А зачем? — удивился я. — Зачем ждать вечера? Я готов продолжить нашу беседу и сейчас... Если коснуться античности, то она считается колыбелью человеческой культуры. А кого мы обычно видим у колыбели? Разумеется, женщину. А какую? В данном случае — протестующую против того, что не было принято отмечать день рождения женщин... Возьмем хотя бы образ Медеи, на пьесу о которой я давно собираюсь тебя поведать... Типичный протест стихийных женских страстей!..

— Прости, пожалуйста,— сказала жена,— по меня уже зовут. Прощу тебя, купи к чаю торт. Я пригласила в гости Костиковских.

Я был обескуражен. При чем тут Костиковские и какой-то торт?! Я позвонил им по телефону и сказал, что нас вечером не будет. Кажется, они обрадовались моему сообщению...

После ужина, приготовленного умелой рукой Маши, я выключил телевизор, по которому передавался какой-то неуместный концерт, и решил продолжить беседу.

— Мне хотелось бы еще напомнить,— сказал я,— о положении женщины в эпоху раннего средневековья. Многочисленные хроники свидетельствуют о том, что женщина не могла отмечать день своего рождения, так как испытывала тройной гнет: семейный, социальный и религиозный. Что такое семейный гнет?

— Я вполне представляю,— сказала Маша.

— Тогда перейдем к гнету социальному...

— Может быть, перенесем беседу на завтра? — вздохнув, сказала жена. — Я так устала.

— Завтра уже не будет день твоего рождения, — сказал я, — и наш разговор утратит актуальность.

— Боже мой, — сказала Маша, — как ты мудр!

Тут я понял, что достиг цели. Напрасно все эти парфюмерные и шоколадные задабриватели ищут у жен дешевой популярности. Отметить мудрость мужа — на это способна только женщина, глубоко осознавшая важность своего дня рождения. Я был почти удовлетворен. Жаль только, что Маше не удалось дослушать беседу до конца. Она уснула. С сознанием исполненного долга я вернулся к своей диссертации. Перед самым отходом ко сну я обнаружил в буфете коробку шоколадных конфет, очевидно, подаренных жене сослуживцами. Я съел конфеты одну за другой.

ОПЕРАТИВНОСТЬ

Шницель был тверд и сух, как кокемитовая подметка.

— Жалобную! — раздраженно сказал посетитель.

— Книгу!

— Зачем же книгу? — учтиво подбежал официант. — Заменим в мгновение ока.

Он подхватил тарелку, заодно зачем-то подцепил нож и улестучился.

Действительно, не прошло и трех минут, как официант положил на стол перед носом умиленного посетителя заказанное блюдо.

— Ну, как теперь?

— Нормально! — отозвался посетитель, легко четвертуя шницель. — Вот это темпы! Вы просто фокусник!

— Это немного есть, — польщенно молвил официант и, подождав, пока посетитель расправится с половиной порции, пояснил: — В нашем деле дипломатия нужна, как в ООН. Я же шницель не менял. Я вам ножик поострее выдал. Вы довольны. Шефа не беспокоили. И я жалобой, так сказать, не травмирован.

Николай Павлович не обладал личными талантами и все же гордился своей фамилией. Среди десятка заурядных родственников он выделял лишь одного, и это был лучший из Заднестровских. Николай Павлович радовался, что в любую минуту можно запросто посетить кузена,

чей вдохновенный почерк известен тысячам читателей.

С этими тщеславными мыслями Николай Павлович поднялся на лифте до четвертого этажа и позвонил в квартиру, на дверях которой скромно поблескивала табличка: «Писатель К. С. Заднестровский».

...Заднестровский сидел в кресле, задумчиво угрызая авторучку. Оставалось закончить последнюю строку, и трилогия «Средь шумного леса случайно...», которой он отдал десять лет творческой зрелости, была бы завершена. Заднестровский ощутил в коленных чашечках легкую дрожь — предвестницу волшебной фразы. Он замахнулся на рукопись авторучкой, как вдруг в передней раздался звонок.

— Вот так всегда! — вскричал Заднестровский, бросая ручку на стол. — Третий месяц подряд меня сбивают именно на этом месте... Кто там?

— К вам гости, — донесся из соседней комнаты голос супруги. — Николай Павлович пожаловал.

Заднестровский был снисходителен к своим родственникам. Иногда он их почти любил. Николай Павлович

правился ему особенно тем, что визиты его были кратки, а стиль изложения напоминал деловые телеграммы. Гостеприимно распахнув объятия, Заднепровский вышел навстречу гостю.

— Ну как сосуществуем, брат кузен? — спросил Заднепровский.

— Средне, — отвечал брат кузен. — Средне. Между плохо и очень плохо. Пришел. К вам. За содействием.

Заднепровский поморщился. Возвращенный в традициях старомодной вежливости, он не любил слишком прямолинейных атак.

— Мечтаю, — заторопился Николай Павлович. — Автомашина. Сто сил. Подошла очередь. Средств в обрез. Занял у сослуживцев. Осталось сто рублей. Полный тормоз. Сослуживцы советуют: «Кузен светило. Человеколюб. Выручит».

— Так и сказали?

— Так. До запятой.

— Видишь ли, брат кузен, — колеблясь, молвил Заднепровский. — Конечно, сотня-другая у меня найдется. Однако не дам... Ты не обижайся. Не дам из принципа. Человек я не скупой, но денег не одалживаю. Вот, скажем, ссужу тебя, а ты вовремя не вернешь... Будешь чувствовать себя неловко, перестанешь заходить... А я твоей дружбой дорожу. Мне с тобой общаться приятно и полезно. Лучше не надо, брат кузен...

Николай Павлович поднялся и молча пошел к дверям.

— Да ты постой, брат кузен, не сердись. Ну не правду ли я говорю?

— Вы инженер душ. Психолог. Может, и правду. Но обидно. Могу задержать. Всякое бывает. Но чтобы не

прийти в гости? Не такой я человек. Эх, светило!.. Со-служивцы засмеют. Удар в сердце!

Заднепровский задумался. Последний аргумент его едва не размягчил.

— Присядь, брат кузен,— осененно воскликнул Заднепровский.— Подожди-ка минут пять.

Николай Павлович сидел нахохлившись. Тщетно супруга Заднепровского пыталась его умаслить чаем. Он терпеливо дожидался минуты, когда на пороге кабинета вновь появится хозяин дома.

Заднепровский сиял.

— Вот, брат кузен,— сказал он, с некоторой торжественностью протягивая родственнику лист бумаги.— Прочти и сделай выводы.

Четким, вдохновенным почерком, известным тысячам почитателей, было начертано:

«Любезный брат кузен Коля! Одобряешь ли ты замысел моей новой трилогии? Без твоего просвещенного совета работу не начну... Задумал я эпопею о лесорубах. Будет там и герой-трелевочник Сеня, о котором ты так много мне рассказывал... Ну как, одобряешь?.. — Твой К. С. Заднепровский».

— Понял? — спросил Заднепровский.

— Одни знаки препинания.

— Экий ты непрактичный, брат кузен. Разомни листок поэнергичнее. Подержи над свечкой. И снеси завтра в краеведческий музей. Полагаю, сотню дадут...

На следующий день восторженные сотрудники музея отвалили за факсимиле областного классика три сотни рублей. Положив в карман желанную сумму, Николай Павлович оставшиеся деньги отнес Заднепровскому. Он гордился своим выдающимся родственником больше, чем когда-либо.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ

Ну вот, наконец-то в журнале напечатали наш первый рассказ. Черт возьми, мы себя не помнили от радости! Мы обошли десяток улиц, останавливались подле каждого киоска.

— Ну, как идет торговля? — нейтральным голосом спрашивал Борис у киоскеров.

— Обыкновенно, — бурчали сонные киоскеры. — Кое-что нарасхват, кое-что залежится...

— Сегодня-то не залежится, — уверенно говорю я, — сегодня-то перевыполните план на сто двадцать процентов!

— Что-нибудь случилось? — тревожились киоскеры.

— Конечно, — вмешался Борис, — почитайте рассказ в конце номера, и вы поймете.

Киоскеры лениво перелистывали страницы. Вот он, наш рассказ. Разве он не бросается в глаза?

— Дайте-ка нам пяток экземпляров, — предлагал Борис. Я щедро вываливал на прилавок денежную мелочь. — Дайте пяток, не жаль монеты, скоро получим гонорар... Первый гонорар!

Мы скупили журналы почти во всех киосках города. Наши комнаты были завалены журналами. Мы дарили журналы всем знакомым, делая на обложках вещице надписи: «Дорогому Коле... Пожелай нам собрания сочинений...»

— Знаешь что, — вдруг сообразил Борис, — а ведь мы обязаны своим рассказом Михаилу Михайловичу.

— Полно тебе,— самоуверенно сказал я,— мы обязаны своему таланту. А он что?.. Увидел, оценил, напечатал... Не он, так другой в конце концов.

— А все-таки его надо отблагодарить.

— Ладно,— поразмыслив, соглашаюсь я,— пригодится на будущее.

Получив гонорар, мы торопливо поднялись на этаж, где помещался наш милый Михаил Михайлович. В комнате еще три стола, за каждым столом сидят сосредоточенные сотрудники, листают гранки и верстки.

— Не очень-то удобно,— шепчет Борис.— Лучше скажи ему ты.

— Почему я? Лучше ты. Ты такой положительный на вид.

Приметив нас, Михаил Михайлович распростер объятия.

— Поздравляю, поздравляю, мои юные друзья!

— Самый момент,— шепчет Борис.— Видишь, глаза у него прозрачные. По-моему, коньяк здесь самое подходящее.

— Вперед! — сказал я негромко и подсел поближе к Михаилу Михайловичу.— Видите ли,— начал я,— в такой день... гм... в день, который... гм... в общем, спасибо вам от имени авторского коллектива, и мы очень просим... гм... отобедать с нами в честь... будет коньяк три звездочки...

— Сколько? — спросил Михаил Михайлович.

— Четыре, — быстро поправился я.

— Так вот как вы начинаете свой творческий путь?! — неожиданно сказал Михаил Михайлович, больше обращаясь к своим коллегам, чем к нам. Коллеги обеспокоенно подняли головы. Борис залился румянцем с головы до пят.

— Вместо того чтобы прочувствовать значение этого факта,— продолжал Михаил Михайлович,— вы хотите его омрачить пошлым предложением. И не совестно вам, молодые и, казалось, способные авторы?.. Способные на что? На то, чтобы соблазнять обедом неподкупного работника периодической печати...

На глазах у Михаила Михайловича заблестели крупные, с нежинский огурчик, слезы. Мы тихо прокрадывались к дверям. А вслед несло:

— У меня печатался сам Кольцов, а вы позволяете себе выпады... Я издавал братьев Тур, а вы с такими намеками... Лебедев-Кумач советовался со мной, как писать стихи, а вы подсовываете мне коньяк...

Мы выскочили в коридор, вибрируя всем телом. Ах, как мы попали впросак!.. Такой кристалл, а мы лезем со своим льстивым обедом...

Из соседней комнаты выбрался художник, который иллюстрировал наш рассказ. Взгляд его лучился. Наткнувшись на наши ошеломленные фигуры, он округлил глаза:

— В чем дело, хлопцы?

Перебивая друг друга, мы рассказали художнику о своей душевной беседе с Михаилом Михайловичем. Художник журчаще рассмеялся.

— Ивняк-наивняк,— сказал он покровительственно.— Кто же не знает, что у Михаила Михайловича язва желудка?! Ну притащили бы торт «Сюрприз». А то — коньяк три звездочки! Беда с этими творческими младенцами.

ПЕНКОСНИМАТЕЛИ

Согласно древним восточным обычаям, когда младенцу исполнялся ровно год, его усаживали на мохнатый ковер посередине комнаты, а вокруг располагали три символических предмета: коран, переплетенный бараньей кожей, домру и туго набитый кошелек. Родственники и близкие счастливой семьи стояли поодаль и наблюдали великое таинство избрания будущей профессии.

Ежели потянется дитя к корану — быть ему хитрым муллой. Схватит домру — станет придворным музыкантом. А уж коли уцепится за кошелек — будет он оборотистым менялой на майдане.

В наше время, если бы придерживались обычаев доброй старины, таинство выглядело бы примерно так. Потянулся к книге — быть аспирантом. Тронул струны

инструмента — зачислят солистом филармонии. Ухватился за кошелек — станет со временем работником торгова...

Мне бы не хотелось бросать даже призрачную тень на такую почтенную профессию, как деятель торговли. Но с точки зрения иных наших сограждан, нет дела доходней и прелестней, чем купля и продажа.

Некоторое время назад мне сообщили, что снова иные молодые люди, окончив высшие учебные заведения, оказались в неожиданном амплуа продавцов горячих беляшей и студенкой газированной воды.

Конечно, при повышенном воображении можно уловить сходство, допустим, между метеорологом и продавцом шипучей водички. И тот и другой с великим душевным трепетом ожидают сводки погоды. Но почему-то мне сдается, что расхождений между этими двумя специальностями несколько больше, чем сходства.

Но, может быть, уход иного агронома с нивы сельского хозяйства на стезю лотошника объясняется внезапно пробудившимся призванием? Ходил, понимаете, юноша в институт, зубрил до изнеможения агрономию, очаровывал во время сессий доверчивых профессоров... И вдруг его неудержимо потянуло в систему снабов и торгов. А может быть, юному энтузиасту негде было устроиться? Может, его окружали нечуткие люди, никак не желавшие определить выпускника на подобающее место?

Увы, надо решительно отвести такие предположения. Мне называли несколько агрономов и механизаторов, по которым безутешно скучают поля и леса. Их поэтичную страсть к торговопроводящим точкам объяснили прозаическим стремлением снимать пенки...

Пенкосниматели... Есть, оказывается, на белом све-

те и такая категория человекoв. Они стремятся побольше взять себе и поменьше дать другим. Нет, это вовсе не тунеядцы и бездельники, воспетые в уйме фельетонов. Это люди, на первый взгляд что-то делающие, чем-то охваченные, во что-то вовлеченные... Но, как говорится, почти с нулевым КПД для общества.

Но оставим область товаропроводящих систем.

Один мой знакомый променял недавно интересную, веселую работу на нудную службу. Он ушел из коллектива, где его ценили и по праздникам объявляли благодарности в приказе. Он ушел служить в учреждение, где надо было перебирать скучные бумажки, но где за это больше платили.

У знакомого есть жена. Она трогательно его любит и заботится о его будущем. Она точно знает, как надо жить на свете, с кем водиться и сколько зарабатывать. Есть такие дамы-патронессы, авторитетные знатоки житейского счастья.

— Вася — твой ровесник, — говорят они кошачьим голосом. — А он уже зав... Ну и что же, что он был хорошим инженером, а стал плохим служащим?.. Зато его Маша ездит на курорт два раза в год!.. Ах, зачем я вышла за тебя?.. Ведь мама меня предупреждала!..

Это существо с психологией пенкоснимательниц. И она заставляет своего горячо любимого супруга забыть, что такое радость творчества. Она умоляет его бросить розовые юношеские мечты и срочно мобилизоваться на покупку выставочного сервиза.

Не будем притворяться бесребрениками. Пока для каждого из нас еще имеет значение величина зарплаты, которую мы получаем дважды в месяц у заботливого кассира. Но, черт возьми, разве помимо денежных

единиц нет еще других стимулов в нашей жизни?!

Не денег ради, а из чувства долга разворачивают хорошие люди подчас титаническую общественную деятельность. Не денег ради, а из чувства патриотизма едут настоящие люди осваивать целинные земли, стирают доселе существующие белые пятна на карте Родины. А рядом с ними тихо сосуществуют люди, которых хочется назвать муравьями по масштабу их дел, ежели бы трудолюбивые муравьи не обиделись за такое сравнение.

Если вы знаете, что инженер бриза такой-то примазался к чужому изобретению и уже выхлопотал патент на свое имя, это типичный пенкосниматель. Если вы заметите тракториста, устраивающего себе трехчасовой перекур в то время, когда его товарищи торопятся выполнить посевное задание, — это тоже пенкосниматель. Если вы услышите, что режиссер этакий стал снимать фильм после того, как вынудил молодого сценариста взять его в соавторы, — и это пенкосниматель...

Не так давно мне поведали историю об одном человеке, который ухитрился снимать пенки даже в самых возвышенных ситуациях.

Дело было в одном учреждении. Когда здесь объявили, что нужно помочь отстающему периферийному колхозу, первым вызвался ехать в недалекую глубинку некто Сердешников, застенчивый сотрудник отдела сбыта.

— Раз надо, так надо! — самоотверженно объявил он комиссии. — Поеду и укреплю!

Провожали его с помпой. Гремел оркестр народных инструментов. Пионеры подносили на память энтузиасту цветастые вышивки. Глава учреждения произнес такую прочувствованную речь, что три дня после этого не мог работать...

Итак, Сердешников укатил. Из вагона долго доносились до провожающих бодрые слова песни: «Едем мы, друзья, в дальние края!»

А через четыре месяца он вернулся. Ходил по кабинетам в запыленном плаще, сосредоточенный и томный. Сослуживцам охотно рассказывал:

— Раз надо, так надо! Приехал — и сразу поднял общественное хозяйство на уровень...

Начальство ознакомилось с характеристиками. Все было в полном ажуре: «Проявил... Пытался... Старался... Расхворался...» Решили повысить его по службе.

И стал Сердешников старшим сотрудником. Пообвык немного, заскучал и выразил желание:

— Вот тут, я читал, производственные управления создают. Мне бы хотелось снова откликнуться... Опять же, как имеющему опыт...

Провожали старшего сотрудника с цветами. На перроне говорили зажигательные речи о скромных тружениках, незаметных героях...

А через некоторое время Сердешников объявился вновь. Деловито ходил по комнатам и тряс перед любознательными сотрудниками справки. Дивясь про себя, почему это тамошние руководители отпустили такой ценный кадр, сослуживцы тем не менее одобрительно кивали головами.

Приступил к работе в учреждении Сердешников уже в новом качестве — заведующим отделом. Однако миновало время, и стал он на работу приходить задумчивым. Но однажды не выдержал, признался приятелю:

— На какой бы еще призыв отреагировать, а? Посоветуй, старина. Уж больно мне хочется стать заместителем управляющего...

Вот они какие бывают, пенкосниматели!

НА ВАХТПАРАД СТАНОВИСЬ!

Пакгауз пылал весело и дерзко. По хозяйственному двору метался завскладом и горестно причитал:

— О пожаре звонить ноль один... ноль один... ноль один! Пожарная колесница прикатила как раз к головешкам. Бойцы, кряхтя, расшвыряли угольки по углам, обдали из брандспойта толпу зевак и подрубили два огнеопасных дерева.

Завскладом, заикаясь от материальной ответственности, кинулся к брандмайору.

— Где же вы были раньше?

Брандмайор величаво вздернул опаленную голову.

— А на собрании!

— На каком таком собрании?— ужаснулся завскладом.

— А по случаю кампании борьбы с огнем и пламенем... Эх, гражданин клиент, гражданин клиент!.. И подпортил нам этот складик картину.

— Какую картину?

— А итоговую.

Завскладом пугливо огляделся. Пожарные были обряжены в парадные робы. На их касках приплясывало солнце. Они прибыли прямо с торжества, посвященного итогам смотра противопожарного состояния объектов.

Почти анекдотическая история, не правда ли?

А между тем она почти идентична происшествию, которое случилось на одном заводе.

Нетрудно представить, как здесь все затевалось. В какой-то день в завкоме спохватились:

— Что-то давненько не проявляли инициативу!.. Не отстаем ли, товарищи?! Не плетемся ли в обозе?! Кажись, пожарники еще у нас не охваченные...

И вот уже раздался трубный глас:

— На вахтпарад становись!

И вот уже на заводские плацы вывезли грозную технику — от лестниц, ведущих прямо к Большой Медведице, до гибких, словно питоны, брезентовых шлангов. На задворках разожгли репетиционные очаги загорания. В цехах развесили актуальные увещания: «Не доверяйте детям электроприборов!» Специальная комиссия, подперев головы кулаками, разрабатывала премиальные сметы.

Всё учли. Всех охватили. Запоматовали только пустичок. Забыли оставить на объектах, о безопасности коих так усердно пеклись инициаторы смотра, обычных дежурных. Они равняли строй на вахтпарадах. Они топали коваными каблуками по кругу и перебрасывали с ладони на ладонь эстафетный брандспойтный ствол.

В итоге, как уже сказано, славная кампания завершилась не тренировочным, а всамделишным пожаром. В результате осиротевший пакгауз запылал, точно факел.

Однако не будем так придиричивы к огнеборцам. Смотровая стихия захватывающая и пленительна. Она покоряет иногда и прочие области жизни. Она превращается подчас в долговременные праздники шума и

треска, в фундаментальные мероприятия по борьбе за радужную отчетность.

В одном из цехов того же завода нам признались, что только за девять месяцев минувшего года здесь провели девять традиционно важных смотров: смотр техники безопасности, смотр молодых изобретателей и рационализаторов, смотр охраны труда, смотр выполнения плана научно-исследовательских работ, смотр экономии и использования производственных фондов, смотр охраны социалистической собственности, смотр культуры производства, смотр бережного хранения и использования металлов, смотр пожарной безопасности...

Конечно, можно было еще провести смотр выполнения производственного плана. Но, наверно, уже не было сил. Все наиболее стойкие активисты были распаханы по комиссиям и включились в дело с энергией, которой с лихвой хватило бы на то, чтобы пустить в ход электростанцию мощностью 100 тысяч квт.

И правда, разве ж без смотра стоит водружать ограждение вокруг револьверного агрегата? Разве без смотра имеет смысл оберегать производственные фонды или, не дай бог, проявлять душевное отношение к юным изобретателям? Не говоря уже о том, что просто подмести помещение без смотра как-то скучно и прозаично.

Конечно, хочется, чтобы все было торжественно. Желается, чтобы было парадно. Под пронзительный звон фанфар, под прибойный рокот оваций. С церемонным внесением и вынесением швабр. Да еще эдак месяцев на девять, а то и на весь календарный год.

Впрочем, когда не хватает запала на многоквартальные фестивали, замысливаются сокращенные кампании. Придумываются месячники вежливости, недели уборки

мест общего пользования, дни подъема и вдохновения.

Недавно мне пришлось познакомиться с одним человеком, который откликался на парадные дни с особым воодушевлением.

— Оригиналы! — сказал я. — Я тоже откликаюсь, но не требую за это медали... Тридцать первого декабря я подымаю бокал за досрочное исполнение желаний... Восьмого марта я объезжаю ларьки Главпарфюмера в поисках одеколона «Отелло»...

— Помилуйте, я имею в виду не праздничные, а вахтпарадные дни вроде дня здоровья. Этот день у меня на особом учете. Например, готовясь его встретить, я составил предельно напряженный график. Только благодаря ему я успел в течение двадцати четырех часов причинить непоправимую пользу своему организму... В одном районе мне позволили реплантировать зуб мудрости в отделении, которое открылось в этот день. В иное время, по-видимому, от перестановки жеваемых сумма не менялась... В другом районе мне разрешили сполоснуться в душевом павильоне, который отворили лишь в честь этого дня... А в районе, где я обитаю, мне было дозволено по случаю этого удивительного дня посадить три куста и два дерева. В прочее время, очевидно, деревья упорно не хотят приживаться... Наконец в связи с этим днем мне представилась возможность послушать у нас на предприятии санпросветительную беседу по линии солнца, воздуха и воды.

И он поведал, как плавно и завораживающе струилась беседа. И было забыто, что по линии солнца дневной свет проник сквозь отмытые стекла только за день до дня здоровья. И запамätовано, что по линии воз-

духа фрамуги были распахнуты в самый канун беседы, а по линии воды питьевые фонтанчики зажурчали как раз за час до выступления санпросвещенца.

Но увы, захваченный смотровой стихией, лектор ковылял от трибунки к трибунке. На инспекторский огляд производственных помещений у него уже не доставало времени.

Возможно, это происходило и не совсем так. И все-таки это чрезвычайно близко к истине. Очень еще часто мы вместо подлинного дела наблюдаем блистательную видимость борьбы за это самое дело.

Некий ревнитель смотров, с которым я толковал на эту тему, был пришпорен моими сомнениями.

— Ага! Значит, вы против смотров?! Против дня здоровья, значит? Против одобренных, значит, мероприятий?

А вот и нет!.. Я тоже за смотры. И за дни здоровья тоже. Только я еще и за то, чтобы на эти дни не перекладывать все, что нужно было делать в течение остальных трехсот шестидесяти четырех дней. Я за то, чтобы зубы ремонтировались двенадцать месяцев кряду. И чтобы мыться в душе можно было все пятьдесят две недели подряд. Я за то, повторяю, чтобы дни и смотры были не праздниками шума и треска, не мероприятиями по борьбе за радужную отчетность, а итоговыми подсчетами добрых деяний, творческих свершений, крылатых открытий.

А что касается пожарных роб, то, обряжаясь в них, хорошо бы не забывать, что слово «роба» сродни глаголу «робить». А это издревле, конечно же, значит «работать».

Автор, робко пересекавший не так давно порог спортивного органа, был юн и свеж. На груди его не красовалась бронзовая бляшка разрядника, из-под безрукавки не выпирали бицепсы и трицепсы. Проницательный редактор сразу же распознал в пришельце новичка.

— Ну-с, чем порадуете читательские массы? — начал редактор тоном, близким к нежному.

Новичок испуганно промямлил, что порадовать он еще не сумеет, но может предложить небольшой очерк. Значит, так: в колхозное село под Запорожьем приезжают два брата, Остап и Андрей. Окончив спортивную школу, они пожелали работать в родных местах. Отец, старый физкультурник-общественник Тарас, встречает молодцов скептически. Оглядев их модные костюмы, он бурчит в сивые усы: «А поворотись-ка, сын! Экой ты смешной какой!» Наконец, желая испытать техническую подготовленность Остапа к районной спартакиаде, предлагает тут же, не отходя от хаты, принять участие в семейном матче по боксу. Словом, ситуация напоминала эпизод из классической литературы.

Может быть, поэтому юный автор с упоением просил вставить в свою корреспонденцию живописную цитату. Для вящей, как он выразился, убедительности.

«Посмотрю я, что за человек ты в кулаке!» И отец с сыном вместо приветствия после давней отлучки начали садить друг другу тумачи и в бока, и в поясницу,

и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая».

— Нет, это явно не классика, — бегло пробежав цитату, поморщился редактор отдела. — И профиль совсем не тот. Методики не хватает. Научности маловато. Впрочем, оставьте. Мы доведем ваши потуги до высокого уровня.

И довели.

Через две недели нетерпеливый автор уже читал свое произведение под заманчивой рубрикой «Советы тренера». В общедоступной форме она излагала методику спортивно-игровой встречи двух молодых атлетов Остапа и Андрея с их папашей-общественником Тарасом. Место, к которому молодой автор настойчиво приковывал внимание редактора, выглядело так:

«Посмотрю я, как ты освоил методические навыки!» И, заняв толчковой ногой по отношению к земле минимальный угол наклона, отец с сыном приступили к упражнениям, направленным на тренировку зрительного анализатора и вестибулярного аппарата. Вместо приветствия после давней отлучки они для совершенствования координации движений начали садить друг другу тумачки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая с многоскоками и оглядываясь, то вновь наступая...»

У автора потемнело в очах.

Дрожащей рукой он нахлобучил шляпу на лоб, вскочил в ближайшее такси и помчался в редакцию.

Редактор принял пришельца с подобающей случаю олимпийской окаменелостью.

— Толчковая нога! — вскричал автор. — Да это же может вызвать волнение даже в медицинских кругах! Ведь у меня же было все так эмоционально!

— Может быть, может быть. Но отдел не интересу-

ют эмоции. Наши установки железны. Педагогично. Методично. Терминологично.

— А вдруг широкие спортивные массы не поймут? Вдруг не дойдет, что такое вестибулярный аппарат?!

— Поймут. Уразумеют. Раз десять дадим — и поймут. И к тому же это так просто — вестибулярный... Это же... Одну минуту. Куда запропастился мой словарь? Ага! Вест... Весталка. Вестибулярный аппарат. «Орган чувств у позвоночных животных и человека, воспринимающий изменения положения головы и тела в пространстве». Уф!..

— Значит, у позвоночных? Спасибо! А многоскоки?

— Что?

— Многоскоки, говорю!

— Гм... Да... Тут мы перетерминологили. Впрочем, многоскоки — это, наверное, много скачков. Прыг-скок... прыг-скок... В русском языке разбираться надо. Помоему, абсолютно ясно.

Юноша взялся за шляпу. В глазах его пылал укор.

— А знаете, на кого вы руку подняли?

— Это нам безразлично, — милицейским тоном отпарировал редактор.

— Это же была цитата из Гоголя.

— Из кого?

— Из Гоголя, Николая Васильевича. Я же вас предупреждал. Для художественной рельефности я ввел цитату великого классика.

— Ах, юноша, юноша! — укоризненно сказал редактор. — То ли нам по плечу! И потом, чего вы кипятитесь? Гоголь, он для кого сочинял? Для узкого круга обитателей Миргорода. Ну, там еще в Диканьке его почитывали. А мы несем слово просвещения в широкие спортивные массы. Нет, голубчик, пока не освоите наш

профиль, писать не научитесь. Мы должны стать лицом к читателю. Адью!

Юный автор в смущении отступил к дверям. Но тут навстречу ему в кабинет вихрем ворвался бравый человек с квадратной физиономией и с кучей позванивающих спортивных значков на молодецкой груди.

— Вот. Читайте. Завидуйте. Приволок шедевр.

Редактор зачарованно посмотрел на пришельца и молча принялся читать рукопись.

Наконец до пугливо озирающегося юного автора донеслись вдохновенные реплики.

— Это — в разрезе! Это соответствует! Как это у вас проникновенно и разносторонне сказано: «Важно, чтобы качество бросков тесно переплеталось с их количеством... Прыжок позволяет значительно поднять точку вылета мяча... Впереди должна находиться нога, разноименная с наиболее развитой рукой... Снижение хвата за шест ведет к поражению...» Методологично! Образно! Доступно! Вы блистательно освоили наш профиль.

— Согласно указаниям! — встал во фрунт многоопытный автор.

— В набор. Немедленно в набор.

Человек с квадратной физиономией удовлетворенно улыбался.

А наш юный автор ушел, смеясь мстительным смехом. Он отчетливо понял, что не так уж, оказывается, трудно покорить сердце редактора спортивного органа.

Учреждение не входило в морское ведомство и отстояло от ближайшего оксана на расстояние трех тысяч миль. Однако распорядок здесь был почти такой же, как на кораблях дальнего плавания. Время от времени в рубку управляющего вваливался предместкома и натуженным шкиперским голосом говорил:

— Пора объявлять аврал! Пора!

Били склянки. Раздавался неистовый телефонный сигнал «Все наверх!», и сотрудники учреждения, стуча каблуками по мраморному трапу, сбегались в каюткомпанию.

Управляющий торопливо проверял, представлен ли в конференц-зале весь экипаж учреждения, и произносил короткую, но впечатляющую речь:

— Все, как один, включимся в кампанию по организации борьбы за уплотнение рабочего дня!.. В рабочем дне у нас сколько часов? Восемь... А минут?

Голос из зала: Четыреста восемьдесят!

— Именно. Спасибо, товарищ Залихватский!.. И все эти четыреста восемьдесят минут мы должны отдавать делу снабжения и сбыта, делу обеспечения и потребления, делу приема и удовлетворения наших потребителей, наших посетителей, наших жалобщиков. Вперед, товарищи, на организацию борьбы против расхищения времени!

Призыв оказывал воодушевляющее действие. Через зал к сцене бережно проносили свежий номер стеной

газеты. Она трепетала от дыхания заседающих, как босвой вымпел. Предместкома нараспев читал стихи, в которых местный поэт клеймил главную виновницу растраты времени — секретаря приемной Нину Ивановну.

Сидят в приемной на диване
Три человека целый век.
Ах, как не стыдно, Нина Ванна,—
Вы равнодушный человек!

Сатирическая направленность стихов всем правилась. Никто при этом не уточнял, почему поэт взял под защиту трех человек, в то время как в приемной скопилось около тридцати.

Впрочем, иногда плавное течение оперативного заседания нарушалось вторжением прорвавшегося в зал посетителя. Его уводили под ручки, ласково уговаривая хранить гордое терпение: не далее как через неделю наэлектризованные сотрудники клялись рассмотреть все неотложные дела...

Может быть, и не стоило возвращаться к этой истории, если бы нас не вдохновил на то ряд обстоятельств. В последнее время мы много и взволнованно говорим о факторе времени в нашей жизни. Токари-скоростники берегут каждую секунду своего часа, чтобы как можно больше обточить деталей. Шахтеры уплотняют свой рабочий день, чтобы каждую минуту «рубать» угля хоть на несколько килограммов больше, чем это предусмотрено по норме. Ученые и конструкторы создают удивительные электронные машины, способные в несколько минут сделать такие расчеты, на которые при обычном счетоводном способе ушла бы половина человеческой жизни.

Они знают цену времени. Они понимают, что семи-

летка слагается не только из семи лет, но из восьмидесяти четырех месяцев, трехсот шестидесяти пяти недель и даже двух тысяч пятисот пятидесяти пяти дней (без високосной надбавки).

Совсем недавно мне пришлось разговаривать с одним инженером. Он повествовал о том, сколько часов и даже дней ему пришлось потратить, чтобы получить аудиенцию у председателя исполкома.

В понедельник, единственный день, когда прием ведет лично председатель исполкома, в комнате канцелярии сошлось около двадцати человек. Первым у дверей сидел посетитель, по состоянию подбородка которого можно было определить, сколько дней он находится в тревоге. Другие посетители тоже, надо полагать, явились сюда не из прихоти.

Надвигался момент приема — два часа пополудни. Посетители нетерпеливо ерзали на жестких стульях и приводили в готовность папки с документами. Они с надеждой поглядывали на клеенчатую дверь кабинета, ожидая, что вот-вот она распахнется и председатель исполкома сделает широкий приглашающий жест.

Но пробил желанный час, а клеенчатая дверь была недвижима. Миновало еще полчаса, но явление председателя народу все еще не состоялось. Посетители коротали время, рассказывая друг другу захватывающие житейские истории.

Наконец в канцелярию вошла сотрудница исполкома — женщина с холодными волнами завивки и с глазами, скучными, как протокол. Она оглядела собрание и деловито объявила:

— Товарищ председатель задерживается! Вместо него прием будет вести заместитель... Кто желает?..

Но никто почему-то не желал. Ведь они специально записывались к председателю, чтобы именно с ним решить свои дела. Такие это были капризные, избалованные натуры.

Перефразируя старое изречение, скажем: «Аккуратность — вежливость председателей». Нет, явно это качество не входило в число важнейших добродетелей председателя исполкома.

Установилась странная и непонятная традиция. Легче попасть на прием к медицинскому светилу, чем к главе райисполкома или жилищного управления. Профессор вас примет точно в назначенный день и час. А к должностному лицу приходится ходить целый месяц. И происходит это не потому, что профессоров у нас много, а потому, что люди науки у нас пунктуальны и организованны. А иные администраторы так невероятно заняты, что никак не могут выбрать часа для выполнения своего прямого долга — приема людей по строго установленному расписанию.

Вот, скажем, как обычно ведут судебное производство многие народные судьи. В течение первой половины дня они пытаются разобраться в четырех-пяти делах. Казалось бы, можно вызвать участников заседания, свидетелей, юристов по каждому делу именно к тому часу, когда назначено слушание. Но, стремясь уплотнить свой день, судья рассылает повестки участникам всех четырех-пяти дел на один и тот же час. И вот десятки людей, бросив срочную работу, отложив не терпящие отлагательств дела, скопляются в тесной комнате судебного участка и сидят часами в бессмысленном ожидании своей очереди.

Понятно, процесс процессу — рознь, на разбор одного дела уходит много времени, на разбор другого — пол-

часа. Но недаром среди юристов бытует поговорка: «В суд опоздать невозможно»...

Впрочем, немало подобных поговорок сложено и о работе коммунально-бытовых предприятий. Немало фельетонов написано о медлительных пошивочных мастерских, нерасторопных комбинатов бытового обслуживания, неточных артелях «Точное время». Эта тема стала традиционной.

Вот одна гражданка в прошлом году отважилась в ателье шить себе летнее пальто. Ах, как это было опрометчиво! Ведь ей же советовали семь раз подумать, прежде чем дать закройщикам один раз раскрыть отрез. Она обрекла себя на самые тяжкие муки — муки ожидания. Минули весна, лето, подкралась осень, и лишь к новому году летний реглан наконец-то выбрался из недр ателье. Недаром заказчики, давно знакомые с планомерной работой этого предприятия, стали предусмотрительными. Весной они отдают шить сюда зимние шубы, уверенные, что только в этом случае заказ успеет как раз к сезону.

Одно успокаивает: ежели сюда вдруг зайдет новичок и станет пылко возмущаться заведенным порядком, у администрации ателье всегда найдется лишний час для того, чтобы объяснить, почему мастера не успели пришить к готовому изделию пять последних пуговиц.

Этот случай напомнил нам маленький эпизод, происшедший в одном толстом журнале.

В редакцию толстого журнала некий молодой автор принес рукопись своего рассказа. Заведующий отделом прозы принял юного литератора, как родного сына.

— Да вы просто классик! О чем рассказ? На сельскую тему? Блестяще! Это нам нужно позарез... Оставь-

те. Посмотрим, осмыслим, посоветуемся с товарищами. Привет!

Они свиделись вновь спустя месяц. Завотделом был так мил, будто юноша одним прыжком одолел барьер, отделявший его от автора «Войны и мира».

— Да вы просто классик! О чем был ваш рассказ? На сельскую тему? Гениально! Это нам позарез... Вся редколлегия снимает перед вами шляпы!..

— Так вам понравилось? — застенчиво спросил автор.

— Еще нет, но понравится... Не успел, понимаете, осмыслить образы, изучить сравнения, проанализировать сюжет. Не читал, одним словом...

И завотделом битый час объяснял, почему у него не хватило времени на то, чтобы прочитать пятистраничный шедевр молодого литератора.

Нет, не надо широких жестов типа «Приходи ко мне в полночь-за полночь, и я готов соответствовать...» Надо просто открывать двери для людей в урочные часы. Не надо скучных педантов, взволновать которых может только чтение железнодорожных расписаний. Нужно педантичное выполнение установленных правил и законов. И вовсе уж не нужны нам многочасовые заседания по организации борьбы за экономию одного часа.

ГОЛУБЫЕ СТРАНИЦЫ РАПОРТА

Время от времени, но не чаще чем раз в месяц, милицию охватывает отчетная лихорадка. Сняв мундиры и повесив на гвоздики форменные фуражки, начальники составляют докладные реляции. В такие дни им особенно хочется, чтобы никакие происшествия не омрачали голубые страницы рапортов.

Именно в один из таких отчетных моментов в некоей городской прокуратуре протекал увлекательный диалог между следователем и рецидивистом по кличке Васька-Чернец.

Уже на первом собеседовании подследственный откровенно признался, что жизнь у него пестрая, полосатая, клетчатая, в крапинку...

Тут было много эпизодов, способных потрясти любого криминалиста. Однако при каждом признании

Васьки-Чернеца следовательно только живал головой, давая понять, что все это ему известно не хуже, чем таблица умножения. Но вдруг и он насторожился, когда подследственный не без застенчивости продолжал:

— ...А месяц назад я с корешами своими почистил часовую мастерскую в центре города.

— Не было этого,— учтиво вставил следователь.

— Почему это не было? Как сейчас помню. Вползаю в помещение. Гляжу — часики. Я говорю: «Часики, часики, что вы все ходите, полежите немного». И цоп десяток...

— Нам ничего не докладывали.

— Я клеветать на хороших людей не хочу. От чистого сердца докладываю, а вы не верите. Обидно даже...

Следователь ринулся проверять. И представьте, удостоверился — был такой случай.

Почти в тот же день, когда протекала душеспасительная беседа с Васькой-Чернецом, в одном из отделений милиции города велся примерно такой разговор:

Н а ч а л ь н и к. Ну вот, опять заявления лежат, как неподнятая целина. А ведь того гляди из управления нагрянут... Такой допрос начнется — только держись за место...

Вот я сейчас покажу, как надо проявлять оперативность в борьбе с потерпевшими. Берем первое заявление. Пропал мотороллер... Безобразие! Надо воспитывать таких утративших бдительность людей! Что мы делаем?

П о м о щ н и к (наивно). Снимаем допрос, собираем данные, расследуем...

Н а ч а л ь н и к. Из-за какого-то самоката? Пропал бы атомный реактор — это да! А то расследование, иссле-

дование... Учись, пока я в начальниках хожу. Берем заявление, накладываем резолюцию: «Халатно отнесся к хранению. Просьбу о возбуждении дела отклонить. Нет свидетелей, которые могут подтвердить, украден мотороллер или же подшутили родственники...» Ну как?

Помощник (*восхищенно*). Наповал! А вот еще кляуза. Про овцу. Исчезло парнокопытное. Мы учинили розыск, но нашли только клочки шерсти. Как быть?

Начальник. Это, брат, элементарно. Пиши резолюцию: «Отказать. Овца могла заболеть и отстать от стада, остатки же ее свидетельствуют, что труп расклевали хищники».

Помощник (*недоуменно*). Какие же хищники в нашем районе?

Начальник. Ну, какие положены для расклева мелкого рогатого скота. Орлы... стервятники... коршуны опять же...

Помощник (*с сомнением*). Да у нас одни грачи да воробьи... Орлы, наверное, на горах, у моря.

Начальник. А по дороге на курорт орлы залететь не могут? Могут. Излагай...

Помощник (*убежденно*). Значит, дать жалобщикам по рукам?

Начальник. По ним. Пусть не портят нам отчетные данные. Ну, действуй в свете и в духе...

Как видно из иллюстраций, иные милицейские чины склонны декорировать все происшествия в околотке. А подчас даже не заниматься ими, дабы начальство не поставило в оценочной графе отрицательный балл.

...Тихой весенней ночью в квартиру одной пожилой гражданки проникло через окно некое, как потом указывалось в протоколе, «лицо без определенных занятий

и определенного места жительства». Так вот, это лицо, оказавшись в комнате, извлекло из-за пазухи сапожный нож и деловито предложило отдать ему в безвозмездное пользование ценные вещи и деньги. Пенсионерка безропотно отдала экспроприатору часы, кольцо и браслет.

— А деньги... Денег у меня мало, да и те в сберкассе...

— Так вот мой ультиматум. Завтра к пяти часам приготовить две тысячи. Прошу не обманывать. Я этого не люблю.

По-видимому, ограбленная была малоопытна. Она поутру побежала к дежурному по городу. Милицейский чин расправил богатырские плечи и сказал, что таких рецидивистов он еще в детстве ловил одной левой рукой.

Однако скромное заявление милицейского чина пострадавшая истолковала по-своему. На всякий случай по дороге домой она заскочила в сберкассу.

На следующий день к означенному часу пенсионерка и ее соседи по квартире с замиранием сердца ожидали обещанного визита грабителя. Еще они с трепетом и надеждой ожидали прибытия милицейского патруля. Им уже мерещились музыкальные трели свистков и леденящие душу возгласы: «Ага! Поймал с наличным!»

Грабитель оказался пунктуальным. Известно: хозяин жалеет о похищенном, вор — об оставленном. Точно в пять часов пополудни он пришел на квартиру к означенной гражданке, с бухгалтерской сноровкой пересчитал ассигнации и не преминул заметить:

— Люблю аккуратность в финансовых отношениях. До новых встреч!

И степенным шагом человека, хорошо осведомлен-

ного об оперативности местной милиции, проследовал по садовой аллейке.

А обещанный патруль так и не прибыл. Видать, храбрый дежурный растерял весь свой детский опыт.

— А общественность на что? — слышу я голос. — Теперь, говорят, надо привлекать общественность.

Да, в последнее время мы все чаще обращаемся к помощи общественности. Но не надо представлять дело так, будто все не только воспитательные, но и карательные функции должны быть возложены на ее плечи. Пусть народные дружины и товарищеские суды воспитывают и убеждают оступившихся. А как быть с рецидивистами и трудновоспитуемыми? И ни к чему делать вид, будто в подведомственной округе живут только ангелы с тюлевыми крылышками, а правонарушители пьют парное молоко, закусывая витамином «С».

Нет, мы хотели бы, чтобы о работе милицейских органов судили по действительному положению вещей, а не по голубому лирическому рапорту, как в некоторых случаях. Ибо, как говорится в одной восточной поговорке: «Здоровый вид лучше, чем справка о здоровье».

„ЗЛОУМЫШЛЕННИК

Завязка этой истории несколько напоминает детективную повесть.

Словом, дело было так.

Усатый вахтер, что стоял на посту у проходной машиностроительного завода, неожиданно заметил загадочного субъекта. Субъект то и дело наклонялся и что-то подбирал возле ограды, а затем деловито рассовывал по оттопыренным карманам.

«Покушение на нарушение, — обрадованно подумал вахтер. — Сейчас я его, желанного, сцапаю».

В этот момент нарушитель с подчеркнуто независимым видом, будто он только что собирал на заднем заводском дворе подснежники, приблизился к вахтеру. Схватить незнакомца под микитки и отконвоировать в комендатуру было для исполнительного стража делом одной минуты.

И вот нарушитель уже покорно достает из широких штанин последовательно: моток ржавой проволоки, напильник со сбитой насечкой и восемь гаек. И вот комендант с удивлением, переходящим в изумление, узнает в незнакомце знакомого сторожа из соседней школы. И вот уже составляется протокол на предмет установления мотивов хищения заводского имущества.

Тут наше повествование отходит от детективной канвы и приобретает черты, сходные с чеховским «Злоумышленником».

— Денис Григорьевич, — начинает комендант. — Подойди поближе и отвечай на мои вопросы. Седьмого числа сего января вахтер Трофимыч, стоя на посту у проходной, застал тебя за собиранием гаек. Вот они, эти гайки!.. С каковыми гайками он и задержал тебя. Так ли это было?

— Чего?

— Так ли все это было, как объясняет Трофимыч?

— Знамо, было.

— Хорошо, ну, а для чего ты собирал гайки?

— Коли бы не нужны были, не собирал бы, — хрипит Денис, косясь на потолок.

— Для чего же тебе понадобились эти гайки?

— Гайки-то? А для этой... для практической работы ребяташек из подшефной школы... Как я, значит, там сторожем, так душа болит на пострелять глядеть...

— Послушай, братец, не прикидывайся ты тут... Говори толком. Нечего про школу-то врать!

— Отродясь не врал, а тут вру... — бормочет Денис, мигая глазами. — Да нешто, товарищ комендант, можно без ненаглядных пособиев? Ежели ты ученика хочешь мастером на все руки сделать, то нешто он обучится уму-разуму без практики? Вру!.. — усмехается Денис. —

Черта ли в ней, в учебе-то, ежели станков мало, инструментов не хватает, а материалов для изготовления, скажем, гаек и вовсе нету.

— Так ты говоришь, что собирал эти гайки для того, чтобы ребят учили?

— А то что же? Не в бабки ж играть?

— Но ведь можно было обратиться в районо или гороно...

— Спаси и помилуй! Обратится, глядишь, какой преподаватель, и сейчас его на совещание, на совещание, на совещание. А там, известно, мудреные слова говорят, значение политехнизации подчеркивают... А чтобы поспособствовать, так это ни-ни... Прав у них, что ли, нету и опять же этой... материальной базы...

— А ежели к шефам постучаться?..

— Во-во! В самую точку попал! Намедни одной школе шеф, то бишь завод, станок отдал. А спустя три дня, чтобы, значит, счастье было полным, счет предъявил на тысячу рубликов. С бухгалтером от радости кондрашка чуть не приключилась. Забота пуще неволи...

Или, стало быть, в другой школе, сказывали, надобен был электромотор. Поклонились шефам. И те по доброте душевной передали детишкам на обзаведение ларец с надписью: «Не кантовать». А в ларце том добра видимо-невидимо: и тазы ржавые, и железо кровельное, и коронка зубная... Однако ж сколько ни бились ребята, так и не смогли почему-то из этих деталей собрать электромотор действующий...

— Ну и как же выходят из положения?

— А это кто как... Одни, глядишь, для практических занятий забор чугунный разобрали по косточкам... Другие, знай себе, вроде меня, по гайке с завода выносят...

Вот оно как... А ты говоришь — шефы! Ну я, оно конечно, виноват, братцы-коллеги. И теперь, значит, судите-рядите меня, нехорошего человека. Но учтите: не о себе пекусь — о детках малых.

И тут произошло неожиданное. Вместо того чтобы в точном соответствии с инструкциями и рассказом А. П. Чехова посадить нарушителя под лабазный замок, комендант пал бедному злоумышленнику на грудь. Рядом всхлипывал Трофимыч, самоотреченно бормоча:

— Ступай себе с миром, старче... И о моих наследниках не забудь!..

— Это уж беспрременно... И твоих обеспечу...

Словом, злоумышленник был отпущен.

Стоит ли удивляться такому повороту событий?!
Диалектика жизни!

Но вот доносится до нас брюзжание ревнителей нравственной чистоты:

— Значит, вы за расхищение заводского имущества? Значит, вы умышленно покрываете злоумышленников?! Хорошо-с. Запомним-с...

Имеющий уши да слышит.

Нет, мы не за расхищение. Больше того — мы против него.

Но в данном конкретном случае мы исходили из самых благородных голубиных намерений: разве ж он виноват? Ведь не о себе печется — о детках малых.

Милый, добрый злоумышленник!

НЕ БУДЕМ НАИВНЫМИ

Недавно меня обвинили в голубоглазой младенческой наивности. Это было очень обидно. Когда человеку за сорок и сквозь дебри прически пробивается солнечная лысинка, доверчивость едва ли покажется забавной. К тому же я не голубоглаз, а совсем наоборот.

И все-таки меня обвинили в этой ужасной слабости. Впрочем, я не стал отбиваться. Я добыл грубые конторские счета и пытался сделать некоторые грубые подсчеты. Я пытался подсчитать, каким образом на рядовой студенческий стипендион можно соорудить дом в четыре комнаты с центральными батареями и кафельным санузлом.

Пришлось позволить себе некоторые допуски и припуски. Я допустил, что некий студент А. на протяжении трех календарных лет экономил на еде. Я приплюсовал к полученному сальдо сумму, которую ему ссужали

родители на проезд в бескондукторном троллейбусе. Больше того, я принял во внимание, что стипендии в наших вузах самые высокие в мире.

И все же дебет нипочем не желал увязываться с кредитом. Получалось, что даже при монашеском режиме студент А. мог построить дом в четыре комнаты с центральными батареями и кафельным санузлом лишь к тому времени, когда обзаведется бородой, станет главой многолюдной семьи и запросится на пенсию. Неужто старик философ был прав, когда в запальчивости вскричал: «Вычисляйте, вычисляйте, и вы поверите!»

Но я устал вычислять. Мне не хотелось верить. Я пошел по испытанной тропе сотрудников отдела кадров и заглянул в анкетные показатели юного домостроителя. Я с интересом обнаружил, что его папаша был привлечен к уголовной ответственности за элегантную подделку торговых чеков.

И тут меня осенило.

Заметили ли вы, что в последнее время общественность стала атаковать владельцев частных коттеджей, собственных вилл и индивидуальных гасиенд? Заметили ли вы, что звонкий голос общественности все чаще призывает разобраться в происхождении этих домостроений, а проницательный ее глаз все бдительнее приглядывается к людям, которые пытаются как можно больше урвать у государства, взамен предлагая нулевой КПД?

Нынче во взаимоотношениях общества с иными сомнительными его членами настал новый прогрессивный этап. Опираясь на республиканские указы «О безвозмездном изъятии домов, дач и других строений, возведенных или приобретенных гражданами на нетрудовые доходы», общественность перешла в наступление. Она

безвозмездно изымает дома у хапуг, дачи у стяжателей и другие строения у махинаторов.

Чудная, гуманная и справедливая мера!

Но, как подсказывает диалектика, дряхлое коварно цепляется за новое. Учувя опасную новизну, собственники стали перестраиваться. Не следует думать, что они внезапно стали ласковыми, как ночной зефир, и добрыми, как деды-морозы за час до выполнения годового плана. Не надо полагать, что они сами приезжают на такси в райисполкомы и бархатными голосами умоляют:

— Ну возьмите дачку!.. Ну примите домостроение!.. Ну владейте безвозмездно!..

Нет, не следует так думать.

В ответ на атаки общества собственники предпринимают контратаки. В противовес наступлению общественности они развивают контрманевры.

И тут позвольте вернуться к нашему бедному владельцу личной гасиенды.

Не надо обладать неумеренным воображением, чтобы представить себе сцену расставания папаша А. и ему подобных с семьей и частной собственностью.

Получив повестку от следователя, папаша А. принялся размышлять:

— Одной рукой два арбуза не удержишь? Не удержишь... Со студентов какой спрос? А никакой спрос... Вот и оставляю я дом сиротке... Кто это там обмолвился, будто архитектура — это застывшая музыка? Чудак-мыслитель!.. Архитектура моего дома — это застывшие дензнаки... Не сдавайся, наследник!.. А мне заверни пару свежего белья, зубную щетку и бутерброд с икрой...

И папаша отбыл. Он отбыл в соответствии со своими прогнозами и статьями Уголовного кодекса. Он отбыл,

успев оставить дарственную на имя своего отпрыска.

Заметьте, папаша А. не шумел, не бранился, не рвал на себе седые кудри. Он просто предпринял кое-какие заячьи маневры. Шуметь, браниться, рвать на себе кудри он передоверил наследнику. И наследник ныне обороняет свое несправедное добро со всей отвагой осажденного.

Он роет мышиные подкопы под общественные комиссии. Он затевает лихие кавалерийские налеты на исследователей, выставив вперед штандарты из справок. Он взрывает петарды жалоб перед носом милицейских чинов. Он проявляет чудеса маневрирования и волшебство фортификации. Он гипнотизирует окружающих именами влиятельных покровителей.

Ох, уж эти влиятельные покровители и значительные укрыватели! Свою загадочную роль они пытаются сыграть во многих судьбах. Я наблюдал, как с очередным визитом грубости в один райисполком явилась некая владелица индивидуальной виллы. Это бледное, встревоженное создание с хорошо продуманной небрежностью обронило:

— А сверху вам еще не звонили?

— Нет еще, — не теряя равновесия, отвечали в исполкоме. — А кто должен звонить?

— Есть кому, — с ударением произнесло создание. — Жаль, очень жаль...

И вправду жаль... Я полагаю, что на этот любознательный звонок последовала бы уйма ответов. Можно было бы узнать, например, что папаша создания презентовал своей дочери в день бракосочетания домик многотысячной стоимости. Можно услышать, скажем, что та же общественность приняла непреклонную резолюцию, в которой просит изъять этот свадебный дар. Мож-

но разведать, наконец, что папаша создания был в свое время отрешен от торгово-руководящей должности в тесной связи с крупным хищением. Можно было понять, что его наследница готова ради красного крыльца отречься от родного отца.

— Во-первых, мы с папой разошлись во взглядах, когда разъехались на разные квартиры... Во-вторых, я жена дантиста... А жена дантиста выше подозрений!..

Конечно, с точки зрения некоторых док по части личного преуспеяния профессия дантиста, может, и считается наиболее перспективной. Но нам почему-то сдается иное. Нам почему-то мыслится, что, несмотря на любые ухищрения, комбинированные действия, тактические рогатки и стратегические надолбы, собственникам придется расстаться с нечестно нажитым добром.

И пусть их нетрудовые дома станут домами отдыха для людей труда. Пусть их дачи превратятся в летние резиденции юных пионеров. Пусть их другие строения будут яслями для сотен граждан будущего.

Так что не будем наивными.

СОДЕРЖАНИЕ

Коварная примета	3
Знаток жизни	6
Таким-то образом	11
Расщепление ядра	14
Жертвы деликатности	19
Роковая депеша	20
Из жизни отдыхающих	24
Порывы вдохновения	30
Назидательная география	32
Окончательный вариант	35
Чайник	43
Нема дураков	46
Жизненные вехи	49
Морской пейзаж	51
Как это делается	54
Эрудиция	61
Спокойствие духа	64
День рождения	67
Оперативность	71
Факсимиле	72
Первый рассказ	75
Пенкосниматели	78
На вахтпарад становись!	83
Многоскоки	88
Делу-то время!..	92
Голубые страницы рапорта	98
Злоумышленник	103
Не будем наивными	107

**ВЫШЛИ В СВЕТ
И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ:**

- С. Львов. Полтора месяца в жизни Тамары. 70 стр. 8 коп.
В. Тендряков. Костры на снегу. 72 стр. 9 коп.
В. Солоухин. Времена года. 189 стр. 20 коп.
О. Берггольц. Говорит Ленинград... 150 стр. 16 коп.

НАХОДЯТСЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ:

- Г. Семенов. Лебеди и снег.
В. Кобликов. Баюн-трава.
Э. Брагинский. Берегись автомобиля!
В. Гроссман. Осенняя буря.

Книги продаются
в магазинах Книготорга,
потребительской кооперации,
а также в киосках Союзпечати.

14 коп.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

ЯН ПОЛИЩУК

РАСЩЕПЛЕНИЕ ЯДРА

КОРОТКИЕ
ПОВЕСТИ И
РАССКАЗЫ

$$2 \times 2 = 5$$

